

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ЮЛИЯ ФЕДОТОВА



КОЛУМБЫ
ИНЫХ МИРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КИНГА

Наемники Судьбы

Юлия Федотова

Колумбы иных миров

«Автор»

2009

Федотова Ю.

Колумбы иных миров / Ю. Федотова — «Автор»,
2009 — (Наемники Судьбы)

Странные дела творятся в мирном Уэллендорфском университете! Таинственный артефакт, Чёрный камень Ло похищен. Заточён в темницу профессор Перегрин, коллега Уайзер метит на его место. А грозному и могучему демону-убийце ясно дают понять: таким как он, в стенах родного учебного заведения места больше нет. Только и остаётся ему, как отправиться вместе с верными друзьями в дальнюю морскую экспедицию, на поиски неведомых земель. Что ждёт их там, на чужих берегах?... А главное, что ждёт по возвращении? Потому что Силы Судьбы вовсе не намерены предоставлять отпуск своим Наёмникам. Пущен в ход камень Ло, крепнет власть зловещего братства Истинных Богов. Смертельная опасность вновь грозит Староземью...

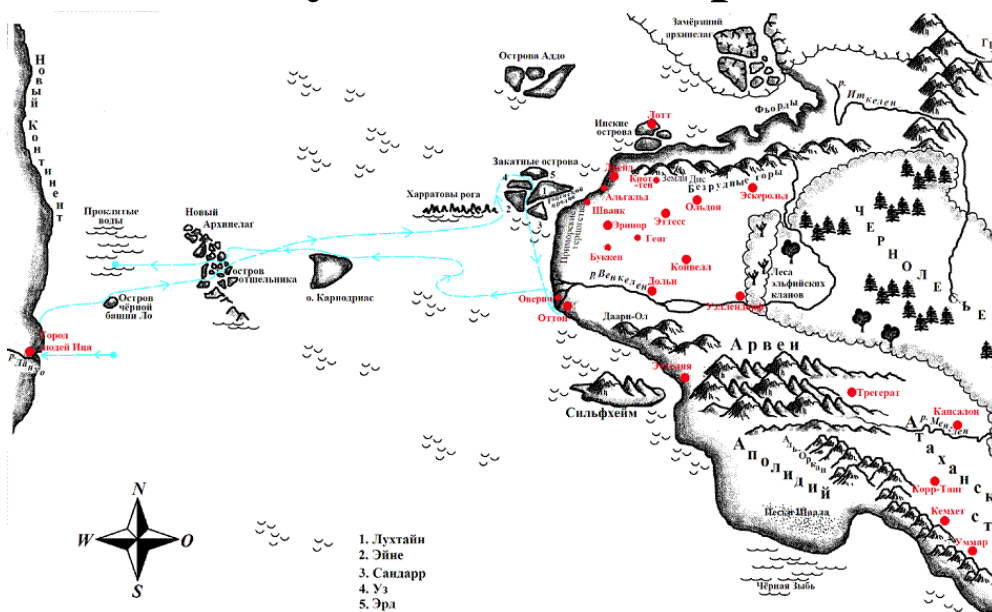
© Федотова Ю., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Юлия Федотова Колумбы иных миров



Пролог

А началось всё опять с мира иного...

Неожиданно обнаружилось, что Ильза умеет вязать. Возвращаться в Дольт, в школу белых щитов, девушка не пожелала категорически.

– В военачальники я не стремлюсь, – пояснила она свою позицию, – в Гильдию меня и без образования приняли, на кусок хлеба, если что, всегда заработаю. А изображать из себя мешок с отрубями, который бьют, я больше не желаю! Я не нежить бесчувственная!

Под «мешком с отрубями» боец Оллесдоттер подразумевала манекен, на котором ученики отработывали приёмы рукопашного боя; сия дисциплина давалась ей хуже всего.

Энка попыталась воззвать к её самолюбию, но Меридит сурово велела «отвязаться от бедного человека», и Хельги поддержал сестру по оружию. Сильфид плюнула: «Поступайте, как знаете! Пусть остаётся неучем!», – и у Ильзы образовалась куча свободного времени! Она с увлечением занялась хозяйством – впервые за всю жизнь у неё появилось собственное жильё! Мыла, стирала, готовила столь роскошные блюда, что Хельги и девицам казалось, будто у них теперь каждый день – праздник. Но хозяйство было небольшим, а Ильза – девушкой проворной и неутомимой. Так что свободного времени всё равно оставалось много.

И вот, чтобы не скучать, пока друзья пропадают в Университете, Ильзе пришлось вспомнить постылую науку покойной тётушки. Тогда, в детстве, обливаясь слезами над спущенными петлями, она не раз давала себе клятву, что вырастет – и никогда в жизни не возьмёт в руки спицы! Но Судьба распорядилась по-своему даже в такой мелочи. В Уэллендорф прибыл сехальский торговец, привёз на продажу совершенно невиданную пряжу – пушистую, нежную, самых весёленьких расцветок. И Ильза не устояла! Накупила разноцветных клубочков в лавке за углом, и принялась за работу, увлекаясь всё больше.

Одна беда – вязальщица прекрасно понимала, что самой ей десятки кофточек ни к чему, а Энка, Меридит, и, тем более, Хельги, ничего розовенького, голубенького или жёлтенького не наденут под страхом смертной казни. Тогда-то она и придумала – вязать для новорожденной дочери Макса.

Хельги не без испуга наблюдал, как на его сундучке растёт куча детских вещичек, от самых маленьких, «на первое время», до крупных – «на вырост». По его подсчётам, их должно было хватить, как минимум, на десятилетие. И настал день, когда Ильза заявила: всё, пора доставлять подарки по назначению. Загрузила вещи в заплечный мешок и отправила Хельги в иной мир.

На этот раз путешествие прошло удачно. И сам не пострадал, и момент выдался подходящий. Супруги Ветлицкие сидели у себя дома, никого постороннего, вроде подруг из Иркутска, в квартире не было.

Довольная и благодарная Ирина разбирала мешок, не уставая восхищаться качеством шерсти, красотой вязки и оригинальностью узоров (Ильза украшала свои творения всем, что ни приходило в голову – котятками, утятами, грифончиками, единорожками, а на одном платье даже боггарта изобразила, решив, что такой сюжет подходит для младенца как нельзя лучше). А Хельги, тем временем, разглядывал большой чемодан, распахнувший шёлковую пасть посреди комнаты, и пытался угадать его предназначение. Наконец, пришёл к верному выводу, что это – подобие дорожного сундука, и спросил Макса:

– Вы собираетесь в путешествие?

– Мы едем в Америку, – кивнул Макс. – Надо показать внучку родителям Иринки. Они работают в посольстве, и пока никак не могут выбраться сами.

Хельги с неодобрением присвистнул.

– В Америку?! Ничего себе! А ты не боишься?

– А чего я должен бояться? – не понял Макс, он догадывался, что Хельги не имеет в виду расстояние или тяготы пути.

– Америка – плохое место! – ответил демон с большой убеждённостью. – Я бы на твоём месте поостерегся ехать туда вместе с супругой!

– Это ещё почему?! – Макс совсем растерялся.

– Потому. Там принято уводить чужих женщин! – сказал Хельги серьёзно. И процитировал.

– Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца,
Зачем Колумб Америку открыл?!

От удивления Макс споткнулся о чемодан.

– Боги Великие! Это ещё откуда?!

Ирина одарила мужа взглядом, полным укоризны.

– Макс! Как тебе не стыдно! Это Гумилёв! Видишь, даже демон из другого мира – и то знает, а ты!

– Да знаю я, что Гумилёв, – покривил душой Макс. – Я имею в виду, Хельги-то откуда это взял? Он даже читать по-нашему не умеет!

В ответ Хельги лишь пожал плечами. Он и сам не знал, откуда в его голове порой заводятся чужие слова и мысли. Наверное, таково свойство демонической сущности. Чего только не нахватывается, когда путешествуешь через границу миров! И вообще, теперь была его очередь задавать вопросы!

– Америка – это далеко?

Макс снял с полки и вручил гостю красивый коричневый глобус, ткнул пальцем:

– Вот тут – мы, а вот – Америка. Соединённые Штаты.

– А масштаб какой? – деловито осведомился магистр Ингрэм. Прикинул расстояние на глаз, пересчитал в уме и вздохнул: «Далеко...». А потом надолго о чём-то задумался, медленно поворачивая глобус против часовой стрелки.

– Ау! – Макс щёлкнул пальцам перед его носом. – Проснись! О чём задумался, детина?

– А?! – вздрогнул демон-убийца. – Ты что-то сказал?

– Спросил, о чём ты думаешь.

– О географии. Я думаю, что наши миры во многом похожи. Но у вас – шесть больших континентов, а нам известен только наш собственный, И то, не дальше окраин Ин... Аваллона... А ведь я, когда блуждал по Астралу, иногда попадал в очень странные места, совсем не похожие на Староземье... Мне кажется, там, за Океаном, должны быть другие земли... Далёкие, неведомые... – он мечтательно вздохнул. А потом попросил. – Расскажи мне про Колумба. Как он открыл Америку?

Макс рассказал, что знал.

Часть 1

В косо нахлобученной шапочке, в чёрной мантии, безбожно измятой сзади, по коридорам Уэллендорфского университета рысила дочь сенатора Валериания, злющая, как боевой сехальский дракон. Гулким эхом отдавали её недевочки тяжёлые шаги, каменные плиты пола чуть не трескались от топота армейских сапог.

Сильфида была в ярости! В такой, что сама удивлялась, почему у неё до сих пор не пошёл дым из ноздрей.

Вообще-то, ей следовало бы радоваться. Как раз вчера она получила очень выгодный заказ. Уэллендорфский муниципалитет поручил ей проектирование новой ратуши. Обычно такая работа достаётся профессорам, простой магистр о ней может только метать! Поэтому, сначала Энка прыгала от счастья.

Но Судьба неожиданно повернулась к ней задом. На радостях сильфида забыла вовремя призвать своего Фронтон! Как известно, если грифон не видит хозяина более трёх дней, он обретает свободу, улетает по своим грифоньим делам и больше не возвращается. За последние годы Энка таким образом потеряла уже троих! Но если с Тимпаном и Ампиром она рассталась по несчастному стечению обстоятельств, то теперь ей следовало винить исключительно самоё себя. Но как раз этого сотник Энкалетте и не умела! Поэтому она быстро нашла других виноватых. Хельги и Меридит! Почему они ей не напомнили?! Друзья называется!

Вот она и спешила домой – высказать им всё, что о них думает! И надо же было такому случиться! – споткнулась о низкий порожек между старым зданием и современной пристройкой кафедры прикладной и теоретической магии. Мало того, что едва не пропахала носом, так ещё и подмётка оторвалась! Сапог оскалился, будто пасть маленького чудовища. Воистину, беда не приходит одна!

Выругавшись на грани пристойного, девица присела, чтобы подвязать покалеченную обувь верёвочкой, да так и замерла на месте! Она услышала ГОЛОСА! В первый миг сильфиде подумалось – уж не спятила ли она? Коридор был совершенно пуст, а звуки раздавались будто откуда-то сверху. Но секунду спустя, Энка поняла, что с ней сыграла шутку здешняя акустика. На самом деле, голоса доносились из-за дверей лаборатории профессора Перегринна. Громкие, взволнованные голоса...

Один принадлежал самому профессору, второй был незнакомым.

– А я вам говорю, не мог он самопроизвольно исчезнуть! – сердился мэтр Перегрин. – Я хранил его в золотом футляре! Он похищен! Грубо, механически похищен!

– Разве есть следы взлома? – уточнил некто.

– Нет. Замок цел, окна целы, знаки магической защиты не нарушены...

– Вот видите!

Голос профессора стал ещё более раздражённым.

– Ничего я не вижу! Вы же не считаете, будто в помещение можно проникнуть ТОЛЬКО через дверь или окно? В Староземье водится множество существ, способных проходить сквозь стены! Я уж не говорю о квалифицированных магах!

– Тогда почему вы не позаботились о безопасности стен?

– Да будет вам известно, почтеннейший, за истекшие семьсот веков существования нашего Университета, в нём была зафиксирована одна-единственная кража! В пять тысяч семьсот двадцать восьмом году домовый гоблин проректора Синелиуса уволок из кубовой всевеники, желая досадить поломойке Люцинде, с которой был в ссоре! – теперь голос профессора исходил ядом. – Доселе у нас не возникало нужды в специальной защите!

– Но на дверях, по вашим словам, защита стояла?

– Стояла. Чтобы студенты во время опытов не вваливались. Они, знаете ли, не всегда приучены стучаться, а я иногда забываю запереть замок! Возраст, знаете ли!

Тут незнакомец сказал что-то ещё – Энка не расслышала. Видно, собеседники удалились вглубь помещения. Спасибо, Перегрин почти кричал, иначе она так и не узнала бы, в чём дело.

– Да я же вас не собственный кошель прошу разыскать! Похищен Чёрный камень Ло! Вы понимаете, какие последствия могут иметь место?!

И всё. С этого момента собеседники перешли на шёпот. Как ни напрягала слух сильфида, как ни прижимала ухо к замочной скважине, больше ничего не услышала.

Почему эта новость так её взволновала, Энка и сама не смогла бы ответить. Ярость утасла, неприятность с Фронтоном отошла на задний план. И домой она прибежала с совсем другой новостью. Обмолвилась только: «Опять я без крыльев осталась», а потом они до самого вечера, (пока не появилась иная тема), обсуждали, гадали – кто спёр, зачем спёр, и какие такие последствия могут иметь место?

Из дневника Хельги Ингрема, подменного сына ярла Гальфдана Злого.

26 марта, вторник.

Только не подумайте, почтенные читатели (случись таковым иметь место), что это я сам! Мне бы такое и в голову не пришло по доброй воле!

Несчастье приключилось из-за серых этгелийских жаб. Я забыл записать, в котором часу они принялись пробуждаться от спячки, потому что у Ильзы был день рождения. Утром меня вызвал профессор Донаван и сказал нечто ужасное!

Он сказал, что для естествоиспытателя я недостаточно собран и организован. Поэтому он, Донаван, настаивает, чтобы я завёл дневник и ежедневно заносил туда свои наблюдения, размышления и переживания, а он станет проверять записи по пятницам! Якобы, это меня дисциплинирует!

Как мог, пытался я облегчить собственную участь, уговаривал разрешить вести записи хотя бы через день. Профессор был неумолим, и дал мне единственный выходной в понедельник (в этот день я навожу порядок в виварии и возвращаюсь домой поздним вечером).

Вот так и пришлось мне идти в лавку, покупать амбарную книгу, над которой сейчас и тружусь. И чувствую себя несчастным, как никогда – таково моё первое переживание! Кстати, Меридит моё новое занятие тоже не одобряет. Говорит, оно приличествует кисейной барышне, а не воину. А Энка, та и вовсе издевается, говорит: «Ты бы ещё альбомчик для стихов завёл!»! Оказывается, в Сильфхейме есть такая мода – юные девы заводят альбомы и пишут в них друг дружке коротенькие стишки преимущественно амурного содержания...

Пока мы разговаривали о нравах и традициях Сильфхейма, Ильза куда-то исчезла. Но скоро вернулась. С альбомчиком! Ей так понравилась идея, что не поленилась сбегать в лавку!.. И где она только откопала эту страсть?! Я тоже хожу в лавку старика Супхубора, но ничего подобного там даже не видел – малиновый, ворсистый, с умопомрачительной медной розой на обложке! Я, понятно, очень люблю Ильзу, но вкусы её иногда ставят меня в тупик!

А потом она потребовала, чтобы мы немедленно написали ей по стиху. Энка первая взялась за дело, нацарапала какую-то галиматью вроде «любить тебя есть цель моя, забыть тебя не в силах я, люби меня, как я тебя...», сказала, что это классика жанра. Меридит написала гекзаметр из современной кентаврийской поэзии (по-моему, назло, потому что Ильза не любит гекзаметры). Настала моя очередь. А я стихов вообще знаю немного, а тут, как на грех, все до единого вылетели из головы! Думал-думал, кое-как, вспомнил один, из другого мира. Не знаю, отчего мне пришёл в голову именно он? Наверное, из-за вчерашней неудачи с жабами. Перевёл, как сумел, и написал:

Что это так красен рот у жабы?
Не жевала ль эта жаба бетель?
Пусть скорей приходит та, что хочет
Моего отца женой стать милой!
Мой отец её приветно встретит,
Рисом угостит и не ударит,
Только мать моя глаза ей вырвет,
Вырвет внутренности ей из брюха!¹

Очень красивый стих! Экспрессивный, образный и, в то же время, жизненный! У нас в Сехале тоже есть полигамные сообщества. Те же ванеды, например... Вот если бы только знать, что именно жевала эта жаба? По логике, это должен быть некий пигмент растительного или животного происхождения. Но растениями жабы не питаются, по крайней мере, наши, а насекомых, содержащих так много красящих веществ, я что-то не припомню. Возможно, это просто аллегория? Надо не забыть, при случае, спросить у Макса. Что-то подсказывает мне, что он этого тоже не знает. Но может уточнить через свой технический артефакт, действующий на манер магического ока...

Энка сказала, что этот стих для девичьего альбома совершенно не подходит по причине кровожадности сюжета, и мне следовало бы вспомнить что-нибудь из любовной лирики! Я ответил, что нельзя вспомнить то, чего никогда не знал, а в стихе речь определённо идёт о любви и смежных тонких чувствах. Минут двадцать мы спорили на эту тему, но каждый остался при своем мнении. Наконец вмешалась Ильза и заявила, что мой стих ей нравится больше всего... Ильза меня любит. И это меня, порой, пугает...

Потом мы поели сырного пирога, и сейчас станем спать, поэтому других наблюдений у меня не предвидится.

Да! Совсем забыл о главном! Энка сегодня рассказала такое! Хотя, нет! Об этом писать, пожалуй, не стоит. Не всё можно доверить бумаге.

27 марта, среда.

Зря я вчера скрытничал. Сегодня весь Университет только об этом и говорит! Из лаборатории профессора Перегринна похищен наш Чёрный камень

¹ Н.Гумилёв. «Детская песенка»

Ло! Тот, что Ильза раздобыла в Альтеции, а мы пустили на взятку вместе с Граалем.

Теперь Грааль, будь он неладен, стоит на месте, а камень свистнули! По слухам, начальство пытается выдать это за обыкновенное меркантильное ограбление. Как бы ни так! Золотую чашу не тронули, футляр, опять же, золотой, оставили, а дурацкий, неизвестно для чего нужный булыжник пропал! Спёрли! Ослу сехальскому ясно, что дело в магии!

Меридит меня сейчас отругала. Велела «оставить уголовную лексику для кансалонских казарм и выражать мысли подобающим для культурного существа образом». Пожалуй, я её послушаюсь, но то, что уже дописал, переделывать не стану, мне лень... Потом допишу, кто-то в дверь стучится.

... С ума сойти! К нам приходил дознаватель из городской охраны! Энка узнала по голосу, это с ним разговаривал профессор Перегрин. Он долго расспрашивал нас про камень: где мы его добыли, при каких обстоятельствах, что знаем о его применении. Особенно его интересовала моя способность проходить сквозь стены. Я даже нервничать начал – уж не подозревает ли он меня в краже?! Хотел взять за шкирку и вышвырнуть вон, но постеснялся (подумал, вдруг он пришёл по поручению профессора?) Как оказалось, напрасно. Потому что следом пришёл сам мэтр Перегрин! Я дверь открыл – и чуть не завизжал на манер Ильзы!

Самое ужасное – он приходил с извинениями! Сказал, что в охране работают сушие идиоты, и тому подобное. Тут я с ним полностью согласен. Но лучше бы он не приходил вовсе, мы бы не стали обижаться. Мэтр Перегрин – чрезвычайно порядочный и благородный человек, но я его очень боюсь (потому что уважаю). Мне до сих пор снятся кошмары, будто я сдаю теоретическую магию!

Ну, всё! Больше писать не хочу, хочу спать. Тьфу-тьфу, не приснился бы кошмар! Зачем вспоминал на ночь глядя?

28 марта, четверг.

Сегодня у меня две новости – хорошая и плохая. Начну с первой.

Утром из лужи перед домом вынырнул Лавренсий Снурр и сообщил, что нашёл себе невесту! Я так рад за него! Он давно об этом мечтал. Наверное, нелегко тысячелетие за тысячелетием оставаться круглым сиротой... Ужасно интересно, как выглядит его невеста? Наверное, что-то впечатляющее! Я спросил, из какого она народа, но Лавренсий Снурр только подмигнул: «Сами потом увидите!», и исчез в нижних водах.

Теперь о плохом. Профессора Перегрин арестовали! Стражники пришли за ним ночью, как за разбойником, и сразу, без всякого суда, отвели в крепость Фольд! За что, почему – никто не знает! В Университете разброд и шатание, слухи ходят самые невероятные, не буду их все перечислять – противно. Большинство склоняется к версии о некромантии – эту гадость я слышал от студентов его же кафедры! И как им не стыдно болтать?

И вот что странно – с пропажей камня Ло его арест никто не связывает. А мне эти два события не кажутся простым совпадением. Что-то нечисто в этом деле, я прямо чувствую! Меридит и Энка со мной согласны... Ой! Я же забыл рассказать им про Лавренсия Снурра! Теперь меня убьют!..

Это опять я, и я пока жив! Хотя и получил половником по лбу. Меридит меня треснула. Несильно. Можно сказать, любя. Хотя, окажись на моём месте существо понежнее – могло и пострадать. Меридит хороший воин, но не всегда умеет рассчитать силу удара (я, кстати, тоже). Энка в этом плане аккуратнее. Зато во всех остальных... Например, на днях я обнаружил её левый сапог в собственном сундучке с книгами! И сам же виноватым остался. Она заявила, будто я нарочно его там спрятал, чтобы ей досадить. Ну что греха таить, спрятать в принципе я ещё мог бы. Но прятать вместе со старинными книгами не стал бы ни за что! Да разве ей докажешь!

Впрочем, я отвлёкся.

Меридит сбегала за пивом, и мы немного посидели, отметили помолвку. Было очень весело, но Ильза, по-моему, немного ревнует.

29 марта, пятница.

Утром предъявил дневник профессору Донавану. Читать он не стал, только пролистал и сверил числа. Это обнадеживает.

В Университете всё хуже и хуже. О Перегрине никаких вестей. Начальство, похоже, что-то знает, но молчит. Слухи множатся в геометрической прогрессии, один другого отвратительнее. Заведование кафедрой прикладной и теоретической магии поручили мэтру Монссону – дурной знак. Значит, скорого возвращения профессора не ждут.

В коридоре мне встретился мэтр Уайзер. Заметил меня, скривился и мерзко хихикнул. Уж не знаю, что он хотел этим выразить. До чего же зловерный тип! Так бы и двинул ему в ры... В смысле, побил бы. Жаль, субординация не позволяет.

Работа после этой встречи весь день не клеилась. Я ронял склянки с реактивами на штаны, путал страницы и записи. Опрокинул банку с пиявками, и они растеклись по всей лаборатории. Пришлось ловить. Может показаться, что на суше пиявки медлительны и нерасторопны. Ничего подобного! Когда не надо, они страсть какие прыткие! Одну уже за порогом поймал!

В довершение, я прочитал второму курсу не ту лекцию, что была запланирована. Они ещё цефалопод не проходили, а меня почему-то сразу на плеченюгах занесло! С чего бы такое невезение? Уж не Уайзер ли навёл на меня какую-нибудь гадость? С него станется! Или это я сам, от расстройства? Кстати, профессор Донаван не стал на меня сердиться, наоборот, пожалел. Спросил, здоров ли я, и отпустил домой на два часа раньше. Наверное, чтобы я не наделал новых бед.

30 марта, суббота.

Всё! Больше я это выносить не в состоянии! Так я им и скажу!

– Всё! Больше я это выносить не в состоянии! – объявил Хельги, откладывая в одну сторону перо, в другую – недоеденный кусок пирога с ливером.

– Чего именно? – уточнила сильфида без особых эмоций.

– Пирог невкусный?! – испугалась Ильза.

– Пирог отличный. Я не могу выносить неопределённости! И вообще, в крепости Фольд даже молодые долго не выдерживают, а профессор Перегрин уже в больших годах.

– А-а! Вот ты о чём! Так бы и сказал. И что ты предлагаешь?

– Выкрасть его оттуда.

– Да выкрасть – не проблема, – сходу откликнулась Меридит, видно, она и сама уже обдумывала этот вопрос. – Где мы его потом спрячем?

– Тоже не проблема. Мест полно! Можно у Лавренсия Снурра в нижних водах, можно отвезти в Конвелл или Оттон.

Несколько секунд девицы молча обдумывали предложение, взвешивали «за» и «против».

– Конвелл не годится. Там его живо разыщет Коллегия. Ты же не думаешь, что мага такого уровня можно арестовать без её санкции?

– Тогда к Рагнару. Оттон – светское государство, они не обязаны выдавать беженцев.

– Ясно, что король Робер его ни за что не выдаст. Но стоит ли сорить Оттон с Коллегией?

– Значит, остаётся Лавренсий Снурр. Тем более, что он с Коллегией уже в ссоре.

Энка хихикнула.

– Не думаю, что профессор почувствует большую разницу между темницей в крепости Фольд и норой Лавренсия Снурра! Я вам так скажу. Лучшего убежища, чем Сильфхейм, мы не найдём. У нас там своя магия, Верховному Амаранту на Коллегию наплевать. Профессор будет в полной безопасности.

Меридит фыркнула:

– Помню я, как ты сулила полную безопасность Бандароу Августусу!

– Сравнила Перегрин с Бандароухом! Великий маг и ходячее недоразумение!

Хельги поднялся с места.

– Ладно! Мы его выкрадем, а дальше пусть сам решает! В конце концов, он маг, может, у него свои убежища есть. Пшли!

– Давайте хоть ночи дождёмся, – остановила его сестра по оружию. – Кто же такие дела по свету делает?

Ах, как мучительно тянется иной раз время...

...А иногда и вовсе нестерпимо! В темноте, в холоде, в неволе...

Есть на свете злые миры, для которых выражение «золотая клетка» – не просто метафора. В каждой приличной темнице Староземья имелась такая – специально, на случай, если придётся содержать колдуна, мага, или какую магическую тварь. Но Профессора Перегрин посадили даже не в клетку. Его камера, крошечная, два шага в длину, полтора в ширину, была сплошь окована листовым золотом: и стены, и потолок, и пол. Воздух и свет едва проникали внутрь через маленькое оконце в двери, но и его закрывал мелкоперфорированный золотой лист. Твори какую хочешь магию – внутри! Снаружи Астрал даже не всколыхнётся. Золото, как известно, вещество простое, магически инертное. Дорогая, но надёжная защита, не оставляющая наделённому Силой узнику ни единого шанса на побег.

Впрочем, первые сутки заточения профессора Перегрин это не особенно тревожило. Ждал – вот сейчас там, снаружи, разберутся и явятся к нему с извинениями. На вторые – забеспокоился, но продолжал верить в лучшее. Должен же вмешаться ректорат и обуздать распоясавшихся городских стражей, бросивших в темницу добропорядочного и безвинного человека! На третьи – разочаровался в ректорате и стал надеяться на Коллегию. Великие маги не позволят гноить в темнице своего собрата!

Лишь на четвёртые сутки осознал Профессор весь ужас своего положения. Понял: арест его – вовсе не досадная ошибка городских чиновников. Ни один из них не решился бы и пальцем тронуть мага, причисленного к кругу Великих, не имея на то самой высшей санкции – согласия Коллегии! Значит, помощи ждать неоткуда!

Собрав в кулак всю свою волю, чтобы не позволить отчаянию завладеть душой, он принялся размышлять, как быть дальше. Но тема оказалась неблагодарной – от него ничего не зависело. За долгие часы заточения с ним никто даже не заговорил. Не вызывали на допрос, не потрудились сообщить, в чём его обвиняют. Надзиратели лишь приносили еду (кстати, довольно сносную), просовывали в окошечко, и сразу убегали, как от зачумлённого. Из высших чинов важного узника вниманием не удостоил никто. Причина ареста оставалась секретом. Он мог лишь предположить, что она как-то связана с исчезновением Камня. Возможно, думал профессор, сохрани он это дело в тайне – избежал бы последствий столь трагических. Но домыслы, догадки и запоздалые сожаления не могли ему помочь. Оставалось одно – молить богов о спасении.

Этим и занялся мэтр Перегрин на пятые сутки. И тоже без особой надежды, что будет услышан. Привыкший рассчитывать на собственную Силу, профессор, как и большинство магов его уровня, прежде не считал нужным изучать слова молитв, формулы и ритуалы обращения к богам. Поэтому теперь молился как попало, по наитию, не зная даже, к какому именно богу уместнее обратиться в сложившейся ситуации. К тому же, он был вовсе не уверен, что его сумбурные призывы способны преодолеть драгоценный барьер, отделявший его от внешнего мира.

И всё же спасение пришло! Оттуда, откуда он меньше всего ждал.

Сперва он услышал робкий, неуверенный стук в углу камеры. Звук непостижимым образом шёл изнутри, из толщи каменной стены, скрытой под золотым металлом. А потом голос, тихий и очень знакомый, осторожно спросил: «Простите, господин профессор, можно мне войти?» Именно так в недавнем прошлом вёл себя нерадивый студент Ингрем всякий раз, когда являлся на очередную пересдачу!

– Войдите! – откликнулся узник машинально.

В ответ раздался ещё один стук, вернее, резкий направленный удар, и из стены, пробив в золоте рваную брешь, вылезло лезвие меча. Вспороло обшивку, оказавшуюся совсем тонкой, чуть крепче фольги, и в проделанное отверстие шагнул...

Ну да, это он и был! Магистр Ингрем собственной персоной!

«А чему я, собственно, удивляюсь? – мелькнула мысль. – Он демон, и даже чей-то бог. Я же взывал ко «всем богам», вот один из них и явился! Почему бы и нет?»

– Ты явился на мои молитвы? – спросил профессор замогильным голосом, он был недалёк от того, чтобы пасть перед бывшим студентом на колени.

– Н...нет, – удивлённо пробормотал тот. – На молитвы я пока не умею... Я сам пришёл. Подумал, может быть, вам на волю нужно?

– Вы правы – нужно! – подтвердил профессор от души. – Совершенно необходимо! – и нервно хихикнул. Ситуация выглядела такой нелепой и невероятной, что несчастный не был до конца уверен в здравии собственного рассудка. А может, это был просто сон?

– Тогда пойдёмте. Буду рад вас проводить, – нежданный спаситель робким приглашающим жестом указал на глухую стену. Но вдруг остановил сам себя. – Сейчас! Одну минуточку!

Хельги вспомнил дознавателя из муниципалитета, и, чтобы отвести от себя подозрения, немного поработал над краями отверстия, загнул и замаял их так, что создавалось полное впечатление, будто пробоина нанесена изнутри камеры. Пусть думают, что профессор выбрался сам!

...Снаружи их уже ждали.

– Что так долго? – сердито спросили девицы. – Мы уже волноваться начали... – и вежливо раскланялись. – Здравствуйте, господин Профессор!

– Как же вы меня разыскали? Крепость ведь очень большая! – спрашивал профессор дорогой, чтобы нарушить неловкое молчание. Бывшие студенты стеснялись при нём болтать,

и вообще, вели себя так, будто не он должен благодарить их за спасение, а наоборот, это они благодарны ему за то, что великодушно согласился принять их помощь.

– Через Астрал, – ответил Хельги смущённо, – Вас самого видно не было, только пустота в одном углу. Мёртвая зона – никакой магии! Я подумал, должно быть, там вас и держат. Полез и упёрся. Слышу – а там вы с богами разговариваете...

– А почему вы вообще стали меня спасать? – поспешил перебить профессор. – Вдруг я в самом деле преступник?

– А нам какая разница? – удивилась Меридит. – Вы же наш преподаватель!

– Мы однажды вообще, целую галерею разбойников освободили!.. – подхватила излишне непосредственная сильфида, но умолкла, ощутив тычок в бок.

– Преподавателем я был для многих, – вздохнул профессор, деликатно игнорируя последнее высказывание. – А на помощи пришли вы одни...

– Просто не все умеют проходить сквозь стены, – откликнулся Хельги. Не мог же он рассказать профессору, что творится в университете на самом деле...

Кстати, он, Хельги, оказался прав. Искать убежище профессору не требовалось – оно у него было. Именно в Сильфхейме. Туда он и направился, после ванны и ужина... или завтрака? Трудно подобрать верное определение для трапезы, состоявшейся в три часа пополудни.

Уходил мэтр Перегрин через портал. В Уэллендорфе подходящего узла Сил не было, пришлось ему просить разрешение воспользоваться астральным полем демона-убийцы. Последний, понятно, был только рад. И только когда профессор исчез в сияющем мареве, Энка шлёпнула себя ладонью по лбу и завопила: «Идиоты! Почему мы не расспросили его о Камне Ло?!». Но было уже поздно.

31 марта, воскресенье.

Вчера я записал немного – у меня было важное дело. Сегодня тоже много не напишу – после вчерашнего дела очень болит голова. Жаль, рядом нет Аолена. Вообще-то, лекарей я терпеть не могу, но приходится признать, что и в них иной раз возникает нужда...

Погода сегодня стоит хорошая – пасмурно и немного моросит. А вчера вес день палило солнце, я едва не ослеп. Весеннее солнце особенно гадкое. Вот в мире Макса есть такая полезная штука, похожа на шоры для лошадей. Но наглазники сделаны не из кожи, а из специального тёмного стекла. Мечта любого сприггана! Почему я раньше не догадался обзавестись? На улице, конечно, станут на меня оглядываться – ну и пусть! В худшем случае подумают, что я слепой на оба глаза. Как-нибудь переживу, я же не дама... Сгонять, что ли? Не сегодня, а когда голова пройдёт. Одно плохо – Макс теперь, наверное, в Америке. Не хочется его компрометировать своим появлением: трудно предвидеть, как станет тамошний народ реагировать на появление демона-убийцы. И неизвестно, есть ли в Америке нужный мне предмет...

Других переживаний, кроме головы, у меня сегодня не предвидится, поэтому стану размышлять.

Интересно, почему именно спригганская магия является коллективной? Ведь это такая редкость! У большинства народов Староземья она нормальная, индивидуальная. А коллективная, кроме нас... сразу и не вспомнишь! У сехальских шайтанов, феек-полудниц (они поодиночке совершенно безобидные, а все вместе – как дадут по башке, мало не покажется!) У кого ещё? Да! У средневековых айса, но их самих больше нет. И всё, вроде

бы. Так почему именно спригганскому народу, такому разобщённому по вине проклятия (между детьми и родителями нет ни намёка на близость, отсутствует узаконенный институт брака, нет своего языка, строгих обычаев и устоев – всего того, что делает народ народом, а не просто биологическим видом!) – досталась коллективная магия? За что Судьба так несправедливо с нами обошлась?... Может, иначе, не будучи объединены хоть чем-то, мы бы, по доброте душевной, просто перегрызли друг другу глотки?

Оказывается, фиксировать собственные размышления очень полезно. Идеи приходят несколько парадоксальные, но не лишённые смысла. В который раз убеждаюсь, что из любой неприятности (это я про дневник!) можно извлечь пользу.

Взять, хотя бы, мою голову.

Сейчас я дома один, дамы ушли на площадь, слушать оперу. Будь я здоров – пришлось бы тащиться с ними. Собственно, ради меня сей поход и был затеян. Это Энка не оставляет несбыточной надежды приобщить меня к вокальному искусству. Ей почему-то кажется, что если я стану долго слушать пение, то, в конце концов, его полюблю. Она не желает понять, что эффект тут как раз обратный... Но речь сейчас не об этом, а о том, что, благодаря голове, я смог избежать напрасных мучений. Как говорит мудрый народ, из двух зол выбирают меньшее!

Ну, всё. На сегодня я философствовал достаточно. Займусь полезным делом – составлю экзаменационные билеты по палеонтологии, чтобы в конце года времени не тратить. (Хотя, Аолен, как лекарь, меня сейчас, пожалуй, не одобрил бы.)

1 апреля, понедельник.

У дис считается, что если месяц начался с понедельника – это добрый знак, а у сильфов – наоборот. Интересно, где истина?

Профессор Донаван меня похвалил, и за билеты, и за дневник. Только спросил почему-то, не увлекаюсь ли я выпивкой.

О профессоре Перегрине новостей нет НИКАКИХ!!! Прежние слухи, прежние сведения, вернее, их отсутствие.

Ходил в библиотеку, хотел найти что-нибудь о Камне Ло. Нашёл. Вырванные страницы. Кто-то меня опередил! Изуродовал пять справочников, три альманаха и один шикарный старинный фолиант. Библиотекарь в ярости, гоблин, тот, что живёт между стеллажами, рыдает в голос, а я ушёл несолоно хлебавши, ещё больше укрепившись во мнении, что дело ох как нечисто! Жаль, что Энка упустила Фронтон. Сгонял бы сейчас к Бандароху, может, ему известно про камень...

Эх, и осёл же я сехальский! Сегодня же понедельник! Я имел право вовсе не писать! Ну, ладно, будем считать, что это за субботу.

1 мера сушеного гороха

2 меры воды

Варить, покуда не разлезется. Солить когда почти готово.

Добавить полмеры толчёного аполидийского ореха

Добавить перец, шафран, кориандр, имбирь, так чтобы жгло.

*Под конец положить тёртый чеснок.
Поедать не как кашу, а со свежей лепёшкой.*

2 апреля, вторник.

Силы Стихий! Этого только не хватало! Выучили грамоте на свою голову!!!

Это Ильза услышала на рынке рецепт сехальского блюда, прибежала домой и записала на первом, что попало под руку – на моём дневнике! Ещё и кляксу поставила! Можно подумать, у нас в доме другой бумаги нет!

Энка говорит: «Сам виноват. Не бросай, где попало». Почему существа часто склонны осуждать других именно за то, чем грешат сами?

Между прочим, Меридит этого есть не станет, она не выносит чеснок. А я стану. Особенно со свежей лепёшкой, судя по запаху, она уже испеклась.

Наша Ильза удивительно вкусно готовит. Интересно, почему из одних и тех же исходных компонентов у неё получается божественное яство, а у меня или Меридит – сушая отравка? Ведь если ставить химический опыт, результат всегда одинаков, независимо, кто его проводит – профессор Донаван, я, или даже студент-первокурсник, если он потрудится ничего не перепутать. Наверное, в кулинарии, и вправду, есть нечто божественное. Это искусство, а не просто процесс...

Да-а, вот если у меня процесс и дальше так пойдёт, пожалуй, я скоро превращусь в настоящего философа и стану писать трактаты. Может быть, профессор Донаван хочет именно этого?

3 апреля, среда.

Из крепости Фольд по-прежнему никаких известий. Лабораторию профессора не отдали Монссону или Уайзеру, а опечатали сургучом и наложили заклятие, его жилые апартаменты – тоже (я специально ходил, проверял). Это обнадеживает. Может быть, со временем профессор сможет вернуться.

А меня не оставляет мысль о других континентах. Почему никто в нашем мире до сих пор не потрудился их открыть? Или их просто нет в природе? Тогда где я видел голых чёрных людей и ступенчатые сооружения среди густого леса? Не могу поручиться за второе, но первое было точно в нашем мире... Интересно, какие у наших дам планы на лето?...

Прошло не меньше месяца, прежде чем он решился задать им этот вопрос.

За это время история с арестом Перегринна успела позабыться. Крепость Фольд так и не подняла тревогу. Слухи постепенно улеглись. С лаборатории профессора сняли защиту, и туда с видом победителя водворился мэтр Уайзер – напрасно Хельги обнадеживался. Правда, жильё арестованного пока не тронули, но это было делом времени.

– Вот так, жил человек – и нету человека! – шипела Энка всякий раз, проходя мимо опечатанных дверей. – Будто так и надо!

– Оно и к лучшему, – одёргивал её Хельги.

А о пропаже Чёрного камня Ло больше вообще никто не вспоминал!..

3 мая, пятница.

Сегодня я, наконец, собрался с духом и рассказал о своих грандиозных замыслах. Понимания, как я и предполагал, они не встретили. Одна только Ильза ответила, что ей совершенно всё равно, куда и когда, лишь бы со всеми вместе. Меридит напомнила, что: «мы, дисы – народ сухопутный, на том стоим», и лавры бабки-пиратки её не прельщают. Она, вообще-то рассчитывала, что мы отправимся повоевать в Герцогства. А Энка, по своему обыкновению, разопилась, будто её режут. Сказала, что до других континентов, если таковые вообще существуют, возможно, придётся плыть не один месяц, а то и целый год. И она столько просто не выдержит, помрёт от скуки, если прежде не выпрыгнет за борт. И у неё куча дел в Уэллендорфе, и из Университета нас не отпустят, и ещё множество разных причин... В общем, реакция ожидаемая, поэтому я не отчаиваюсь...

4 мая, суббота.

... Тем более, первый союзник у меня уже нашёлся! Только что из Дольна явился Эдуард! Вот паразит, всего месяц до начала вакаций не дотерпел и сбежал! Заявил, что Ильза была совершенно права, не стоило в «это упыриное гнездо» возвращаться, плевать ему на образование, больше он туда ни ногой!

Я спросил, а как же его планы сделаться великим полководцем? Он ответил, что для этого ему совершенно ни к чему навыки отмыwania уборных и казарм, а никаких других он за год так и не развил. Наверное, он опять чем-то проштрафился, и не хочет признаваться. Ну, это его дело. Главное, что идея с другими континентами его очень увлекла. Раз не судьба ему сделаться великим полководцем, самое время позаботиться о карьере великого мореплавателя и первопроходца – так он решил. И даже вызвался сходить в Конвелл, заручиться поддержкой Аолена.

Аолен ушёл от нас в Конвелл по осени. Он узнал, что там завёлся некий выдающийся лекарь из Герцогств, чрезвычайно знаменитый и компетентный. Вот он и напросился к нему в ученики – ликвидировать пробелы образования. Теперь он сможет лечить язвы, чирьи, простуду и понос, по крайней мере, Ильза на это надеется. Она вообще была даже рада, что Аолен направился именно в Конвелл, рассчитывала, что он станет присматривать за Бандарохом Августусом и его потомством. Лично я очень сомневаюсь, что он этим занимался...

...Видно, сама Ильза тоже не уверена в добросовестности Аолена. Она выразила желание отправиться в Конвелл вместе с Эдуардом, и лично проверить, как там обстоят дела. Какая досада, что у нас больше нет грифона! На нём бы они за два дня обернулись. А пешком – неделя туда, неделя обратно, а то и больше. На покупку лошадей у нас не осталось наличности, джинны-туфлевладельцы в Уэллендорфе дела не ведут. Одна надежда на какую-нибудь оказию.

5 мая, воскресенье.

Ильзе с Эдуардом повезло. Энка узнала (удивительно, как ей удаётся всегда быть в курсе всех событий!), что одно почтенное уэлендорфское семейство задумало переезд в Конвелл, и срочно подыскивает охрану для своих обозов. Конечно, запряжённые в телегу лошади ходят не бог весть как резво, а всё-таки быстрее, чем пешком тащиться.

И потом, Меридит говорит, что отпускать их (Ильзу с Эдуардом, а не лошадей) в путь с почтенным семейством как-то надежнее. Меньше глупостей наделают, если будут под присмотром. Я ей сказал, что нехорошо так думать о ближних своих. Ведь когда мы были в их возрасте, то шастали, где хотели, без всякого присмотра, и никаких глупостей не делали.

«Это мы-то глупостей не делали?!» – фыркнула на меня Меридит, и чего только не припомнила! И как лазили во вражеский лагерь, чтобы стащить с вертела окорок, и как подрались с аполидийскими легионерами, и как я провалился в колодец, и ещё много такого, о чём, в присутствии кое-кого из рода сильфов, стоило бы помалкивать. Да и Ильзе с Эдуардом лишние подробности о нашей боевой юности ни к чему, тем более, перед дальней дорогой.

...Уж не знаю, как мы теперь станем обходиться без ильзиных разносолов? Придётся опять ходить в трактир, а там у них вечно рыба несвежая... Как же быстро, однако, привыкаешь к хорошему! Воину это ни к чему.

Кстати, наша гортензия, наконец-то, зацвела! Я надеялся, что цветки будут розовые или голубые, но они оказались зеленовато-белыми, невзрачными. Не знаю, это сорт такой, или ей света не хватает? (У нас комната с окнами на север, я нарочно выбирал, чтобы солнце не попадало.) Зря Энка гортензию завела, надо было папоротник, ему много света не требуется. Интересно, можно ли изменить комнатный папоротник так, чтобы он цвёл и отворял клады? И что произойдёт в момент цветения – будут в комнате, как в лесу, всякие страсти твориться, или нет?

У Макса есть цветок – *глоксиния* – вот это красота! Ирина говорит, он родом из Южной Америки... Если в нашем мире есть другие континенты, наверное, и там растёт что-нибудь замечательное...

А два дня спустя Ильза с Эдуардом вышли в дорогу. Путешествие вышло тоскливым до зевоты. Переезжающее семейство было весьма состоятельным, если не сказать, богатым. Перевозило весь скарб, от мебели и посуды до запасов зерна и клеток с домашней скотиной. Телеги ломились от добра, сытые хозяйские лошади плелись степенно и нерасторопно, обоз растянулся шагов на сто.

Эдуард изнывал от скуки, бесился, не хуже сильфиды.

– Ползём, как сонные мухи! Тоска зелёная! Хоть бы разбойники напали, что ли!

– Тише ты! – одёргивала его Ильза. – Хозяева услышат! Или донесёт кто, – она кивала на соседей-охранников. – Скажут ещё, накликали!

Но принц не желал внимать голосу разума.

– Эти лошади будто вчера ходить научились! Пешком и то быстрее!

– А ты попробуй, пойди пешком, – придумала Ильза. – Если и вправду получится быстрее, возьмём и уйдём вперёд. Задатка нам не дали, мы нанимателям ничем не обязаны.

Принц послушался совета – и смирился. Потому что от телеги всё-таки отстал. К тому же, хозяева боялись нападения, и обоз не останавливался на ночлег. Лошадей поили зельем, восстанавливающим силы, возниц-людей сменяли кудиане, способные видеть во тьме, процессия двигалась вперёд день и ночь. И уже на четвёртые сутки вступила в Конвелл.

Кстати, опасались хозяева не напрасно, без битвы не обошлось. Нападение было организовано по классической разбойничьей схеме: бревно поперёк дороги, засада в кустах бузины. Да не на тех напали! Лесным братьям пришлось довольно скоро убедиться, что богатая добыча им не по зубам. Численное соотношение противников было примерно один к двум, но что стоят два селянина с дубинкой против наёмника с мечом? Даже Ильза не сочла противника серьёзным и во время сражения не визжала (и то сказать, неловко при чужих-то), и радовалась развлечению, впрочем, недолгому.

Враг с позором бежал, скрылся в чаще. А Эдуарду достался трофей – кожаный мешочек, полный золотых монет. Принц срезал его с пояса одного из разбойников, того самого, что, будучи живым, целился проломить ему голову дубиной.

А ночью один из охранников попытался отобрать законную добычу! Напал на сонного, зажал рот ладонью и замахнулся ножом. Но Эдуард оказался проворнее. Вывернулся, оттолкнул нападавшего, и, что было силы, почти наугад двинул кулаком. Попал точно в лицо, даже костяшки в кровь разбил о вражьи зубы. Негодяй с тихим вскриком свалился с телеги, и больше его никто не видел: не то погиб под колёсами, не то сбежал. Окружающие этот инцидент даже не заметили.

Больше дорожных развлечений не было. Ильза досадовала – ей ведь тоже хотелось добыть свой трофей. Увы, на сей раз, удача не улыбнулась бойцу Оллесдоттер.

Конвелл оказался городом красивым и большим – раза в полтора крупнее Уэллендорфа. Народ в нём так и кишел, попробуй, разыщи в этой толпе никому не знакомого пришлого эльфа. Только когда Эдуард сообразил, что искать нужно не самого Аолена, а его знаменитого наставника, дело сдвинулось с мёртво точки. Но всё равно, на поиски ушёл целый день.

Аолен встретил неожиданных гостей радостно. В Конвелле он успел заскучать, и уже подумывал о возвращении. Тем более, что хваленый лекарь оказался вовсе не так хорош, как гласила народная молва. А кое в чём его деятельность и вовсе пахивала шарлатанством.

Появление Эдуарда с Ильзой стало для Аолена последним толчком. Теперь у него появился повод – пришли друзья, зовут домой. Значит, надо собираться. Собственно, сами сборы были недолгими. Пожиток у Аолена почти не имелось: несколько книг, несколько тетрадей да обычный походный набор. С чем пришёл он в Конвелл, с тем и возвращался, эльфы не любят обрастать вещами.

Но ему ещё предстояло неприятное объяснение с мэтром Лаварссоном, тот терпеть не мог, когда ученики уходили вот так внезапно. Почему? Да потому, что на самом деле он был даже худшим лекарем, чем представлялось Аолену. Спору нет, теорию целительной магии он знал превосходно. Вот только применить её, как следует, не мог, поскольку собственных магических сил у него имелось меньше, чем у иной деревенской бабки. Зато при нём постоянно были ученики, да не один, а четверо-пятеро, не меньше. Причём новичков он не брал, только тех, кто, вроде Аолена, уже достиг определённых высот и желал совершенствоваться. Вот они-то – разумеется, под чутким руководством мастера! – и пользовали его пациентов, слетавшихся на известное имя, будто осы на мёд. Они, ученики, сами того не подозревая, создавали славу целителю Лаварссону, понятно, что он, ох, как не любил с ними расставаться!

Эльф всего этого не знал, но помнил тот скандал, что великий целитель закатил при уходе молодого лекаря Стефана Прона, специализирующегося как раз на чирьях, лишаях и прочих простонародных хворях. И ждал худшего. К счастью, ожидания его не оправдались. С Аоленом мастер простился относительно спокойно; время было мирным, острой нужды в лекаре, виртуозно излечивающем боевые травмы, у жителей Конвелла не возникало.

Такое равнодушие к его персоне немного даже задело Аолена, он ведь не знал, в чём кроется его причина, и решил, что Лаварссон считает его совсем негодным и неспособным. Обидно!

...Пока эльф улаживал свои дела, Ильза отправилась с инспекцией к Бандароху Августусу. Его долго искать не пришлось. Аолен знал, где именно поселился многострадальный отец семейства, но по-эльфийски честно признался: сам он там не бывал ни разу.

– Вот и надейся на тебя! – рассердилась Ильза и поспешила в указанном направлении. Она тоже ожидала худшего: боялась увидеть запущенных, завшивленных и голодных младенцев, или, не дай бог, услышать весть об их преждевременной кончине.

Напрасно она так плохо думала о Бандарохе Августусе! Магистр оказался неплохим отцом. Пока нерадивая мать гуляла по южным землям с благородной целью добычи денег (пришлось-таки ей наступить на горло собственной гордости и податься в наёмники!), учёный муж неплохо справлялся с тяжёлыми родительскими обязанностями. Маркс Энгельс и Ильич были толстыми, ухоженными и довольно развитыми для своего возраста – чувствовалась отцовская забота.

– Молодец! – не скупилась на похвалы Ильза. – Мы-то думали, Бандарох Августус СОВЕРШЕННО ни на что не годен, а ты вон как хорошо за детьми ходишь! Впору в няньки наниматься!

– Этого не хватало! – страдальчески вздохнул Бандарох. – Своих вторе больше, чем нужно! Едва управляюсь! Не помню, когда высыпался последний раз!

Ильза прониклась сочувствием к его нелёгкой доле и развела бурную деятельность по наведению порядка в бандароховом жилище. Каким бы примерным папашей тот не был, а всё-таки женской руки в его доме явно не хватало. С точки зрения аккуратной лоттской девушки, обстановка его не выдерживала никакой критики. Пол был покрыт таким слоем пыли, что на нём оставались отпечатки следов. По периметру громоздились косые пирамиды книг и рукописей, увенчанные скомканными детскими тряпками. Постель самого учёного уместнее было бы назвать словом «логово». А дети копошились в огромной, распиленной поперёк бочке, на куче подушек. «Чтобы не расползались», – пояснил отец немного смущённо.

Эдуарду и Аолену пришлось провести в Конвелле лишних трое суток, прежде чем девушка переделала всё, что запланировала, включая генеральную уборку, грандиозную стирку и приготовление пищи «чтобы им хотя бы на полмесяца хватило».

Всё то время, пока она наводила свои порядки, Бандарох сидел на табурете, поджав тощие ножки, обхватив колени руками, и вид у него был совершенно потерянный. Он напоминал зверька, спасающегося на крошечном островке посреди бушующих вод весеннего разлива. Но Ильзу страдания магистра не смущали. Она действовала во благо малюток, и была вполне довольна собой...

Весь обратный путь друзья проделали пешком, хотя теперь они могли бы позволить себе нанять лошадь с повозкой. Но Эдуарду так хотелось доставить свой трофей домой в целостности и сохранности, что ни Ильза, ни Аолен не решились настаивать. Тем более, погода, по меркам Хельги, стояла отвратительная – майское солнце припекало, будто летом, ночи были уже тёплыми, дождя не намечалось. Отчего бы не прогуляться?

В первую же ночь на них, под покровом тьмы, напали трое. Одного Аолен пристрелил, второму Эдуард отхватил голову мечом, третьему удалось уйти живым, потому что Ильза зазевалась.

На следующую ночь нападение повторилось. Теперь разбойников было пятеро – ушли двое.

– Не знал, что леса Конвелла столь опасны! – удивлялся Аолен. – Можно подумать, мы не в Срединных землях, а где-нибудь в предгорьях Безрудных!

Третья ночь была спокойной, благо, их пустил в свой дом староста одного из больших придорожных сёл. Зато на четвёртую – сразу две атаки! Одна около полуночи, другая – перед рассветом. Сомнений больше не было – все нападения не случайны. Путников определённо кто-то преследовал!

– Кому это надо?! – гадал Эдуард. – Чем мы им помешали? У нас и взять-то толком нечего!

– Кроме твоего трофейного кошеля, – напомнила Ильза. – Его раз уже хотели отнять.

Но принц только отмахнулся.

– Не смейся! Столько мороки ради одного-единственного кошеля?! За него и одной жизни жалко, а они уже с десятков положили. Овчинка выделки не стоит!

Но, как показало время, Ильза была не так уж далека от истины.

Оставшиеся три ночи прошли мирно лишь потому, что друзья решили не рисковать, и каждый раз просились на постой. Аолен был очень недоволен. Его стесняло общество людей, грубых, неотесанных селян. Ему претили запахи их жилищ – местные жители по братски делили кров с курами и молодняком домашней скотины. Его раздражал раскатистый храп мужиков, попискивание детей и ворчливое перешёптывание боггартов. С каким удовольствием эльф оставался бы под открытым небом! Как любил он эти тёплые майские ночи, лёгкие дуновения ветерка, пахнущего черёмухой и молодой зеленью, странные крики ночных птиц, танцы маленьких фей при луне, сладкие предрассветные росы... Но не воевать же ради этого каждую ночь с разбойниками! Приходилось молча, стойчески переносить неудобства, так что спутники и не догадывались о муках эльфа. Сами они, как истинные люди, в любом случае предпочитали ночёвку под крышей. Для Ильзы такая обстановка была знакомой с детства, да и Эдуард за последние годы успел расстаться со своими высокородными привычками и не видел для себя большой разницы между королевским дворцом и избой землепашца. Тепло, сухо, безопасно – и на том спасибо! Чего ещё можно желать?

А на восьмую ночь путники были уже дома, спали в кроватях. Правда, на шесть персон их было всего три – зато свои, не чужие! И без клопов!

...Но прежде им пришлось выдержать ещё одну схватку, последнюю и самую серьёзную. Дело было уже на подходе к городу. На сей раз, разбойники набросились при свете дня, видно, решили использовать последний шанс. Их было восемь – все люди, да не селяне с топорами, как прежде, а опытные бойцы, в их действиях чувствовался профессионализм. Но не было слаженности, пожалуй, только это и спасло путников. У Аолена, – он единственный был в состоянии анализировать обстановку, сложилось впечатление, что нападавшие едва знакомы друг с другом. Каждый был сам за себя, не заботился о безопасности товарищей, не приходил на выручку.

Сражение вышло долгим – Ильза устала, будто на тренировке в школе. «Чего вы к нам привязались? Что вам нужно?!» – хотелось закричать ей, но девушка молчала, чтобы не сбилось дыхание. Она убила двоих. Упитанного бородатого мужика проткнула мечом насквозь, а молодому парню-северянину, отдалённо смахивавшему на брата Улафа, без всякой жалости вспорола брюхо (правда, потом её чуть не стошнило). Стольких же уложил Эдуард. Аолен справился с троими. А один – сбежал!

– Как заговорённый! – бесился принц. Он был абсолютно уверен, что каждый раз уходит один и тот же грабитель, причём самый главный.

– Не выследил бы, где мы живём, – забеспокоилась Ильза. – А то станет нас и в Уэллендорфе донимать!

Но слезки, вроде бы, не было...

23 мая, четверг.

У нас сегодня радость – Эдуард с Ильзой вернулись и Аолена с собой привели!

Всю дорогу их кто-то преследовал, нападал – еле отбились! С чего бы это? За эдуардовым трофеем, что ли, охотились?

Бывший мой ученик принёс отличный трофей, целый кошель золотых! Очень кстати – за год мы, как всегда, поиздержались. Меридит всю его добычу сразу забрала, она у нас вроде казначея. Как заведутся у кого деньги – сдаём ей, а потом берём, кому сколько надо на личные нужды. Очень удобно! Однажды заниматься финансами захотела Энка, но из этого ничего не вышло. Слишком уж ответственно она подходила к делу – у неё даже не чернила было не выпросить!

Эдуард ходит довольный и важный, он впервые принёс такую большую прибыль самостоятельно, не залезая в казну своего родителя. Вообще, он становится очень неплохим воином, но я должен признать, что моей заслуги в том нет. Я был совершенно негодным наставником. А школа белых щитов ему явно идёт на пользу. Надо будет уговорить его туда вернуться. Разумеется, позже, сейчас у нас другие планы...

Сегодня я решил не заводить разговор о путешествии, и даже не стал спрашивать мнение Аолена. Завтра, в спокойной обстановке, всё решим...

Ах, напрасно рассчитывал Хельги на «спокойную обстановку»!

24 мая, пятница.

Нет, у меня просто нету слов!!! Эта сволочь... В смысле, сегодня у нас было заседание учёного совета...

Тьфу! Не могу писать, пальцы дрожат, как у новобранца после первого боя. Вечером допишу! А сейчас пойду в самый паршивый кабак в городе! Будем надеяться, там на меня нападёт кто-нибудь пьяный. Я его убью, и мне станет легче!..

...Никого, вроде бы, не убил, но успокоился. Иной раз очень полезно как следует подраться. Чтобы от души, без всяких правил, приёмов и хитростей – бить, как попало, и всё! Вот только под глазом у меня теперь такое, что на публике лучше не показываться. Если Аолен не сможет вылечить, даже не знаю, как завтра пойду на кафедру! После того, что было сегодня!

А было оно – заседание учёного совета! Расширенное, ассистентов тоже пригласили. Сперва речь шла о всякой ерунде: об экзаменах, об организации летней практики – всё как обычно. Я почти не слушал, потому что хотел спать. Я вообще, постоянно хочу спать. Чтобы успевать на семинары, приходится вставать в полдевятого – это же чистое безумие! Когда-нибудь я умру от недосыпа, чует моё сердце! (Хотя считается, будто я бессмертный демон, но, по-моему, обольщаться на сей счёт преждевременно.)

Но это я отвлёкся. Наверное, моё подсознание не желает вспоминать, что было дальше. А было вот что. Профессор Уайзер взял слово и... ох! Короче, он сказал, что меня надо **НЕМЕДЛЕННО ИСКЛЮЧИТЬ ИЗ УНИВЕРСИТЕТА!!!**

Я так думаю, этот план зрел у него давно, но прежде меня защищал профессор Перегрин, и Уайзер не решался связываться. А теперь он почувствовал волю – и чего только не наговорил! Якобы, раз я – демон убийца, то представляю угрозу для общества! И если проголодаюсь, могу пожрать всех студентов, вместе с преподавательским составом, лаборантами, службой и дамами из учебной части!

Он ещё много чего говорил, я не в состоянии всё повторять. Это было обидно, несправедливо и неожиданно. Меня обсуждали, будто я не магистр естественных наук, а какое-нибудь редкостное inferнальное чудовище! Кое-кто, главным образом, с нашей кафедры, меня защищал, но маги и демонологи бессовестно рассказывали про демонов-убийц всякие ужасы, не имеющие ко мне ни малейшего отношения, но преподносили их так, будто Университет вкупе со всем Уэллендорфом доживает последние часы, если не будут приняты экстренные меры!

А я вынужден был слушать и молчать, потому что ассистенты на Учёном совете права голоса не имеют. Профессор Донаван прижал меня к стулу рукой и шипел на ухо: «Только молчи, молчи, ради всех богов, иначе будет ещё хуже!», хотя обычно он обращается ко мне на «вы». А потом он сам не выдержал, встал и объявил, что ему надоело это безобразное судилище, нельзя обвинять существо в том, что оно ещё не совершило, и если его, профессора Донавана, посмеют лишить перспективного ассистента, то он лично позаботится, чтобы демон-убийца поглотил всех участников сегодняшнего заседания, за редким исключением!

Такой аргумент их убедил. Все вдруг утратили интерес к моей персоне и заговорили о другом, я опять не слушал, мне было уже не до отчётов и учебных планов. Наверное, у меня был плохой вид, потому что Донаван велел мне выйти, выпить воды и дожидаться его в лаборатории.

Ждать пришлось недолго, всего минут десять, заседание быстро закончилось. Пришёл профессор, принялся меня утешать – надо признать, в тот момент я действительно нуждался в утешениях. А потом он сказал: «Этот средневековый мракобес Уайзер от вас так легко не отстанет. Чтобы не обострять и без того дурную ситуацию, будет лучше, если вы на время исчезнете из поля его зрения. Отправляйтесь-ка на свой промысел... нет, лучше – в экспедицию, собирайте научный материал, и не показывайтесь в Уэллендорфе хотя бы до зимы! С ректоратом и учебной частью я договорюсь сам!»

Вот так! Нет худа без добра! Думал, придётся упрашивать, уговаривать, чтобы отпустили, а дело вдруг разрешилось само собой!.. Но всё равно, обидно, обидно!

Не могу понять, чем я так помешал Уайзеру? Ведь он демонолог! Казалось бы, должен относиться к объекту своего изучения более лояльно. Взять, к примеру, естествоиспытателей. За нашими объектами часто приходится отправляться в дальние края, искать их, ловить – столько проблем! А тут – пожалуйста, под боком имеется живой демон, изучай в своё удовольствие! Зачем же надо его выживать?! И ведь я никогда не делал Уайзеру ничего плохого! Демонологию, конечно, учил не блестяще, но и не сказать, что хуже всех. Вёл себя всегда корректно. Откуда такая неприязнь? Убейте боги, не возьму в толк! Неужели он сам верит в те страсти, что про меня говорит?!

Энка считает, это всё потому, что я до сих пор никак не осознаю себя настоящим демоном и не поставлю своих недоброжелателей на место. «Попробовали бы они так обращаться с Одним или Зевесом, или с той же Иракшаной! – говорит она. – А ведь ты с ними сопоставим, об этом даже в справочнике написано!»

Но не могу же я, в самом деле, вести себя, как Один, или, не дайте боги, Иракшана! Это будет просто нелепо! Явлюсь на Учёный совет и скажу «Трепещите, смертные! Я власть и сила! Я ваш ужас и ваша гибель! Не смейте меня исключать!» Фу! Даже представить стыдно!

Ах, насколько проще было бы жить, не окажись я демоном!

25 мая, суббота.

Сегодняшний день вышел замечательным, со вчерашним кошмаром не сравнить!

Мы были на свадьбе! Лавренсий Снурр женился! Утром вылез из той же лужи (благо, она никогда не пересыхает, водопроводная труба, что ли, прохудилась?) и сказал, что к обеду ждёт нас у себя. Мы скорее побежали в лавку за подарком. Купили красивый сундук и набор столового серебра на шесть персон. На последнем настояла Энка. Она утверждает, что на свадьбу принято обязательно дарить столовое серебро, без него там, якобы, даже показываться неприлично. По-моему, Лавренсию Снурру совершенно ни к чему ножи, вилки и ложки. Но разве её переспоришь?

В назначенный час жених поджидал нас возле лужи. Так странно было в неё нырять, да ещё на глазах у прохожих, и с букетами сирени! Не представляю, что они о нас подумали?

До места мы шли совсем недолго, буквально, несколько шагов. Так что меня не покидало ощущение, будто мы прямо тут, в луже, и празднуем. Хотя, Лавренсий Снурр утверждал, что мы находимся под старой городской ратушей.

Удивительно, как Лавренсию Снурру удалось в таких необычных условиях организовать такой прекрасный праздник? Было всё, что полагается – цветы и водоросли, накрытый стол с очень приличной наземной едой, обручальные кольца и прочие свадебные атрибуты. Нас ждал сюрприз – встреча с Рагнаром и Орвудом. Жених не поленился сплавать за ним в Оттон.

Но самой большой неожиданностью стала его невеста! Звали её Офелия Сакс, и оказалась она точной копией Лавренсия Снурра, разве что чуть пониже ростом и в фате. А он, бедный, тысячелетиями считал, что один такой на свете! И она думала точно так же! Удивительно, как они за столько лет ни разу не встретились, не столкнулись в своих нижних водах? Мучались одиночеством без всякой надежды! Лавренсий Снурр хотя бы с нами подружился, а у бедной Офелии не было вообще никого – ни родных, ни знакомых. Со стороны невесты некого было даже на свадьбу пригласить.

Офелия сошлась с нашими дамами очень легко, и вообще, она говорит, что сразу нас всех полюбила, мы милые. Нам она тоже понравилась. У неё приятный, уравновешенный характер и хорошие манеры – так сказал Аолен, а он в этих делах понимает. Ильза и то перестала ревновать, особенно после того, как Офелия написала стихотворение в её альбом (не поленилась ведь тащить!):

«Для нас сегодня ярче светят свечи,
В день свадьбы дарят нам друзья цветы.
Подруга, не грусти, ещё не вечер,
Пусть будешь следующая – ты!» —

и изобразила рядом красивый букет, двух голубей и сердечки со стрелой. Определённо, дамская психология, временами, совершенно недоступна моему пониманию! И вот что поражает: две особы совершенно разной природы, возраста, традиций и воспитания, а в головах – одна и та же несусветная ерунда! Но Энка считает, что это очень трогательно.

Они ещё и венки невесты надумали ловить, чтобы всё было по правилам! Офелия взгромоздилась на камень, и бросила венок наугад, себе за спину. Ильза и Энка прыгали, махали руками, визжали, но поймала его Меридит, хоть и не собиралась ловить вовсе. Просто у неё выше рост и лучше реакция: хватает всё, что летит, машинально, не глядя. Это дурная привычка. Я, например, так однажды боевого сехальского дракона сцапал – очень неприятное ощущение!

Теперь Энка с Ильзой утверждают, что Меридит должна скоро выйти замуж – дразнятся. Дисы замуж не выходят никогда, им проклятие не позволяет. Меридит злится, ругает их дурами, но даже она признаёт, что свадьба Лавренсия Снурра и Офелии Сакс удалась на славу!

Лично мне она понравилась гораздо больше той, что я видел Рун-фьорде, когда женился кормчий Отар. Тогда фьординги под конец дня напились, разодрались в кровь, а жениху едва не отхватили мечом ухо. Не знаю, возможно, это тоже весёлая свадебная традиция, но сегодняшний опыт показывает, что без неё цивилизованные существа вполне могут обойтись... Всё, иду спать.

P.S. Хельги не записал самого главного! Лично мне больше всего понравилось, как мы ходили в муниципалитет, чтобы зарегистрировать брак! Бургомистр перепугался до смерти, долго не мог найти регистрационную книгу и заикался во время церемонии! Это было очень забавно! Давно мы так хорошо не веселились!

(магистр Энкалетте, родная дочь сенатора Валериания)

26 мая, воскресенье.

Пожалуй, придётся запереть мой дневник в сундук или применять охранные заклинания! Открыл – и обнаружил постороннее вмешательство! Энка подкараулила, когда я заснул, и мало того, что всё прочла, так ещё и своего понаписала!

Но поход в муниципалитет и мне понравился, не стану отрицать.

... Утром я, наконец, собрался напомнить о своих планах, но не успел. Меня опередила Энка! Причём, говорила она так, будто речь шла о вопросе давно решённом. Просто поставила новоприбывших перед фактом: мы идём в Океан, открывать новые земли, готовьтесь морально.

Пожалуй, Рагнар с Орвудом были не столь удивлены, как я! Передумали ли Энка и Меридит из-за последних событий в Университете, или они с самого

начала противились лишь из вредности – теперь я этого никогда не узнаю. Главное – итог: мы идём в плавание!!!

Оставалось согласовать детали. На том, что выходить надо как можно скорее, сошлись все. Но, по мнению Рагнара, для этого следовало взять в Оттоне хороший корабль. А по-моему, разумнее обойтись моим Громом. Большое корабль требует присутствия матросов, и где гарантия, что они не поднимут бунт, если решат, что плавание слишком затянулось? И потом, Оттонские моряки, почти поголовно, люди. А людям надо много еды.

Мои аргументы насчёт людей всех убедили. Большинство голосов было отдано за Гром. Рагнар стал обижаться, что нет справедливости: в нашей компании всего три человека, а остальные – нелюди. Но Энка ему тут же возразила: в нашей компании ЦЕЛЫХ три человека, а всех остальных народов – по одному.

– И вообще, – сказала она, – ты должен нас понять. Представь, что тебя поместили в общество одних только эльфов, или спригганов, или, не дайте боги, гномов – каково тебе придётся?!

Тут, разумеется, возмутился Орвуд.

– Чего это ты гномов приводишь, а про сильфов молчишь?

– Потому что сильфы и в упоминании не нуждаются! Их общество даже я оказалась не в состоянии выносить!

Орвуд был удовлетворён её ответом, и мы стали собираться в экспедицию.

На самом деле, «собираться в экспедицию» – было сказано слишком громко. Всего-то сборов было – увязать дорожные мешки с личными вещами. Во-первых, Рагнар сказал, что тащить припасы из Уэллендорфа нет смысла, всё необходимое можно будет взять в Оттоне. Во-вторых, денег у них всё равно не осталось. Содержимое трофейного кошелька целиком ушло на подарок новобрачным, одна-единственная монетка завалилась за подкладкой. Обычно деньги водились в карманах Рагнара, но на этот раз Лавренсий Снурр увёл его так неожиданно, что тот даже не подумал пополнить запасы.

Поэтому они, по настоянию Ильзы, всей компанией отправились за город, собирать опята на лугу, и посвятили этому занятию весь день. До заката собирали, а потом нанизывали на ниточки – сушить. Ильза решила, что лучшего подарка для Оттонской королевы не придумаешь. Не являться же в гости с пустыми руками?

28 мая, вторник.

Вчера ходил на кафедру, сообщил профессору Донавану о нашем отбытии. Он сказал, что с администрацией вопрос улажен, весь следующий год я числюсь в научной экспедиции. Меридит и Энка – тоже, он и о них позаботился!

Напоследок профессор проверил мой дневник. Велел, чтобы я ни в коем случае не бросал его вести, и потом приобщил к отчёту. И ещё сделал замечание: сказал, что я фиксирую слишком мало отвлечённых рассуждений. Мне надо больше размышлять о природе сущего и старательнее записывать.

Сейчас я, в качестве охранника, сижу на ладье, идущей вниз по течению Венкелен. Делать всё равно нечего – стану размышлять. Конечно, неизвестно, когда профессор сможет вновь проверить мои записи, и сможет ли вообще (нет, я ничего грустного не имею в виду, просто дневник может потеряться в

пути). Но из уважения и благодарности займусь тем, что велено. Буду думать о природе сущего и начну с тварей разумных.

Философы утверждают, что любое разумное живое существо обязательно имеет четыре составляющие, соответствующие четырём уровням, как то:

телесная оболочка – материальный уровень,
силы – энергетический уровень,
сущность – информационный уровень,
душа – эмоциональный уровень.

При этом в нашем мире приоритетной является сущность, поскольку именно она определяет индивидуальность. Только утративший сущность субъект может считаться абсолютно мёртвым (конечно, если сущность разрушена, а не просто перемещена в сторону).

В мире Макса – иной подход. Если об энергетическом уровне там иногда и заходит речь, главным образом, в связи с вампиризмом второго уровня или альтернативным целительством, то на сущность вообще не обращают внимания. Зато с душами носятся, как с писаной торбой. Ими иногда даже приторговывают, хотя, кому может понадобиться это добро – не представляю! Правда, насколько я могу судить, они рассматривают понятие «душа» несколько шире, отчасти объединяя с сущностью.

Трудно сказать, чей подход вернее, и верны ли они вообще, но наш представляется мне довольно логичным, потому что позволяет легко классифицировать нежить:

Нет первой составляющей – дух. Нет второй – автономный зомби: некромант вкладывает в него свою силу – и вперёд! Нет первых двух – покойник (в таком виде обычно отправляются в мир предков), или призрак (если отправка почему-то не состоялась). Без четвёртой – много всяких видов. Например, вампиры. У них души нет, а предыдущие составляющие – нестойкие, приходится поддерживать извне.

И вообще, тут и с живыми возможны вариации: у кого-то две сущности (оборотень) или две души (двоедушник) в одном теле, у кого-то – наоборот. Кроме того, наблюдается разница в пропорциях...

Ох, вот о чём я сейчас подумал! В мире Макса есть такое хитрое устройство – *компьютер*. Ящичек, а в нём содержится куча информации, и она там не просто хранится, а анализируется, перерабатывается. То есть, все признаки сущности налицо! Значит, по нашей логике, его следует считать живым существом, или, как минимум, нежитью! Может быть, мы и вправду недооцениваем значение четвёртого уровня? Но всё же, когда в следующий раз попаду к Максиму, стану здороваться с его компьютером. Не хочется выглядеть невежливым.

Пожалуй, следует поразмыслить ещё вот над чем: как в эту систему вписываются твари неразумные? По-моему, этим вопросом ещё никто толком не занимался.

О! Я ещё не подумал о самом для меня главном – о демонах! Какое место в системе занимают они? Насколько я понимаю, демоны – это существа с чудовищно гипертрофированным вторым уровнем. Но какую роль при этом играют их тела? Они обретают бессмертие под влиянием силы, или со временем разрушаются, высвобождая последующие составляющие?... Ох, что-то не радует меня перспектива стать бесплотным духом! Не буду больше

думать о таких страшных вещах! И чего меня вдруг на сущности потянуло?
Не иначе, из-за учёного совета! Или сказывается природа демона-убийцы: кто
о чем, а орк о лопате!

Путь до Оттона вышел приятным и неустойчивым, но занял полторы недели. Вот когда Энка пожалела, что не догадалась договориться с Лавренсием Снурром, чтобы провёл их до места нижними водами! Двое суток – и были бы на побережье. Не пришлось бы томиться от безделья, сидя среди мешков с пряностями, тюков сехальского шёлка и прочего южного товара...

На путешествие в качестве пассажиров не было денег, последний Эдуардов золотой потратили на оплату за жильё. Пришлось подрядиться охранниками на большую торговую ладью, везущую в Оттон товары с Кансалонского рынка.

– Если сказать гоблинам, что Рагнар – оттонский принц, они наверняка захотят отвезти нас задаром, ради протекции, – придумал Эдуард. – Мы сможем ничего не платить...

Но вмешался Орвуд.

– А если НЕ ГОВОРИТЬ, что он – оттонский принц, то гоблины САМИ НАМ ЗАПЛАТЯТ! Улавливаешь разницу?

– О-о-о! – застонал Рагнар. – У нас в Оттоне – куча денег! Зачем тебе нужны гоблинские гроши?!

Но в финансовых вопросах Орвуд был непоколебим.

– Во-первых, золото лишним не бывает, во-вторых, не такие уж гроши! Охране здесь платят очень прилично, я узнавал! Не резон пренебрегать!

Платили на реке, в самом деле, хорошо – и было за что! Торговые караваны прорывались вниз по течению с боем! Оттон, Дольн, Даан-Азар и Уэллендорф неоднократно подписывали соглашения о разделе сфер влияния, предусматривающие обеспечение безопасности проходящих судов. Но выполнял их только Оттон. На остальном протяжении водного пути, от Уэллендорфа до его границ, на торговые ладьи и плоты нападали нещадно, все, кому не лень: люди, кудиане, орки. По слухам, даже гномы иной раз не брезговали несправедливой добычей. Целые приречные сёла так и жили – не пахали, не сеяли, не водили скотину, только грабили!

Торговцам, чтобы сохранить свой товар, поневоле приходилось нанимать мощную охрану и платить ей по наёмничьим расценкам военного времени. Каждый перегон оплачивался как отдельная боевая операция.

Однако, на сей раз торговые гоблины потратились напрасно. Самые старые из караванщиков не могли припомнить такого спокойного сплава! Всего три атаки за неделю пути! И все – на головную ладью. Причём, вели себя нападавшие как-то странно, нетипично. Обычно они подплывали вплотную к борту и сдёргивали тюки при помощи специальной палки с крюком, либо брали судно на abordаж, сбрасывали добро вниз, сколько успевали, и спешили удрать. Эти же товаром вроде бы, и не интересовались. Они зачем-то вступали в бой с охраной и рубились так, будто имели дело с личными врагами!

Но охранники с повадками речных грабителей знакомы не были, поэтому никакой странности не заметили. Просто делали своё дело и досадовали, что каждый раз одному-двум разбойникам удавалось сбежать, а времени на преследование по суше не было...

У пристани Дольна караван делал большую остановку – сгружали часть товара. Засидевшиеся путешественники отправились прогуляться по городу, главным образом, для того, чтобы купить чего-нибудь вкусного. Гоблины не платили вперёд, но у Эдуарда в кармане штанов нашёлся ещё один золотой.

Ильза идти со всеми не пожелала, осталась на ладье. Девушка заявила, что город надоел ей до смерти, и ноги её больше не будут на дольнской земле! Пусть ей принесут вкусное прямо сюда, в мешочке.

– Ладно, не сучай, мы быстро! – помахал ей на прощание Рагнар. – Туда и обратно!

Задерживаться дольше, чем требовалось на покупку еды, друзья не собирались. Город был большим богатым за счёт торговли, но скучным и грязным, особых достопримечательностей не имел. Архитектуру его Энка презрительно называла «кондовой». Горожане никак не заботились о наружном украшении своих жилищ и прочих построек – не видели в том смысла. Так уж сложилось исторически, что Дольн то и дело с кем-нибудь воевал: с Даан-Азаром, с Оттоном, не говоря уж об Аль-Орконе... Даже с Конвеллом, с которым, казалось бы, им вообще нечего было делить, за последнее столетие вышло несколько коротких, но кровопролитных войн.

Не смотря на то, что подавляющее большинство конфликтов (исключая, разве что, орочьи набеги), провоцировал именно Дольн, армия его сражалась слабовато, в столицу регулярно входили вражеские войска, уличные бои стали привычным делом для горожан. Поэтому одни дома были превращены в маленькие крепости, другие выглядели временками, такими, что не жалко, если опять сожгут.

Но дольнский рынок был хорошим, большим. Лавки ломились от всяческого товара. Торговцы широко растягивали в зазывных улыбках свои разбойничьи физиономии.

Разменяв в ближайшей лавке золотой на целую горсть медных монет, друзья пошли по рядам. Должно быть, здешние продавцы умели наводить чары, потому что каждому вдруг захотелось непременно что-нибудь купить. Чего они только не набрали! Большой кусок копчёного окорока, пирог с капустой, полосатую конфету на палочке и засахаренные яблочки для Ильзы, бутылъ вина для Рагнара, шерстяные вязаные носки – зачем они им вообще понадобились, в июне-то месяце? – и ещё много всякой съедобной и несъедобной ерунды. И к тому моменту, когда Энка увидела вещь в самом деле необходимую: отличную, красного дерева чертёжную доску с набором инструментов, большая часть денег была уже израсходована. А стоил деревянный шедевр трегератских ремесленников ровно один золотой!

Взять с собой в дорогу чертёжные принадлежности сильфида собиралась с самого начала, чтобы не прерывать работу над проектом уэллендорфской ратуши. Она рассудила: в плавании у неё будет полно свободного времени, следует употребить его с толком. Одна проблема – её старая, выдавшая виды, прошедшая с ней все годы студенчества доска грозила в любой момент развалиться на части. И Энка не рискнула подвергать «бедную старушку» такому испытанию, решила, что по пути, в Оттоне, обзаведётся новой. По пути же ей пришла в голову мысль, ужасная, но здравая: в Оттоне чертёжных досок может не найтись вовсе. Королевство славилось доблестью и благородством своего рыцарства, но отнюдь не уровнем цивилизации.

И вот теперь, когда сама Судьба послала ей необходимое – увы! Денег не было!

– Поищите, ради всех богов! – взмолилась сильфида. – По карманам пошарьте, за подкладкой. Вдруг у кого завалюсь?

И надо же, какое везение – завалюсь! И снова у Эдуарда! Ровно один золотой! Лежал в левом кармане куртки! Счастливая обладательница новой, шикарной доски на радостях даже расцеловала Ольдонского наследника!

... – Не понимаю, зачем она тебе сейчас понадобилась? – удивлялся Хельги, косо поглядывая на увесистую конструкцию. – Как ты станешь заниматься черчением в море? Там же качка!

– А это уже не моя забота! – сходу откликнулась девица, видно этот вопрос был у неё давно продуман. – Ты у нас могучий демон, по твоей прихоти мы идем в плавание, вот ты и будешь, в случае необходимости, обеспечивать мне мёртвый штиль!

В ответ «могучий демон» лишь обречённо вздохнул...

На подходе к гавани Эдуарду сделалось жарко – солнце, дотоле милосердно скрывавшееся за облаками, вылезло и воссияло во всей своей июньской красе. Остальные шли в одних рубашках, изначально оставив свои куртки на ладье. Принц же, будучи особой высокородной, постеснялся разгуливать по городу полураздетым, и теперь расплачивался за свой снобизм.

– Да сними ты её! – напустился на бывшего ученика Хельги, ему-то и в рубашке было тошно. – Не дайте боги, тепловой удар хватит! Смотри, мы уже почти пришли! Смотри, грузчики вообще, в чём мать родила, ходят! – тут он, конечно, немного приврал: матери определённо рожали будущих грузчиков без набедренных повязок.

И принц послушался. Стащил потемневшую под мышкам куртку, взмахнув, перекинул через плечо, и... все услышали характерный звон металла о камень. Прямо под ноги Рагнару отлетела золотая монета!

– О! – обрадовался рыцарь. – Ещё одна завалилась! Можем ещё чего-нибудь купить! – видно, торговая магия всё ещё оказывала влияние на его податливую натуру.

Но Орвуд одним хищным движением выхватил золотой из его рук и обернулся к Эдуарду.

– Та-ак! Скажи-ка ты мне, состоятельный наш, почему у тебя в карманах постоянно заваливаются золотые?

– Не знаю! – растеряно пожал плечами принц. И обиделся. – Ту что, думаешь, я нарочно их от вас припрятал?!

– Нет. Этого я как раз не думаю. Тут дело серьёзнее! Ну-ка, смотрите внимательнее! – он протянул монету на ладони.

Это был обычный, изрядно потёртый золотой конвельской чеканки, 6005 года выпуска, с головой орла и короной на гербе. Только самый острый, наметанный или целенаправленно ищущий глаз мог обнаружить различия. На короне был выгравирован не традиционный вензель королевского дома, а совершенно другой знак. Грудь орла, вместо обычного оперения, покрывала штриховка, напоминающая руну «ос» – «еловая ветка» или «вход». А по торцу, там, где обычно делалась простая насечка, шла надпись на неизвестном даже Меридит языке.

– Неразменный золотой! – торжественно объявил премудрый гном.

Друзья переглянулись, не зная, как реагировать, хорошо это, или плохо.

– Теперь понятно, отчего нам разбойники житья не давали, – сообразил принц. – За этой штуковиной охотились!

– Да, ценная вещь, – согласился бывший наставник, разглядывая артефакт через Астрал. – Зелёная! Давайте выбросим!

– Твоя логика порой удивляет, – заметила сестра по оружию.

– Щас! Разбросался! – возмутился гном. – С неразменными монетами нельзя обращаться легкомысленно! Штука опасная!

– Это я заметил, – согласился Хельги невесело. – В руки взять противно! А как от них избавляются?

– Кто о чём, а орк о лопате, рассердился Орвуд. – Не станем мы от него избавляться! Он нам ещё пользу принесёт! Неразменным золотым можно без вреда пользоваться целый год, прежде чем начнутся последствия.

– Какие последствия?! – насторожился Эдуард.

– Неприятные. За каждую новую покупку будешь расплачиваться своей удачей.

Тут уж и Рагнар забеспокоился.

– Ещё не хватало! Нет уж, давайте от него отделяться!

– Да я же говорю тебе: год...

– Это ты говоришь «год», а на деле может иначе обернуться! – перебил рыцарь. – Удача, знаешь ли, слишком ценная вещь, чтобы ею рисковать! – и добавил важно. – Особенно при нашем образе жизни!

– Верно! – подхватил Эдуард. – Выкинуть его!

Гном криво усмехнулся.

– Да нельзя его выкинуть, ослы сехальские! Вернётся он!

– А вот я проверю!

Эдуард размахнулся, отшвырнул монету так далеко, как смог, и быстрым шагом, не оборачиваясь, пошёл прочь. Друзья поспешили за ним следом. Шагов через полсотни принц полез в карман – монета была на месте! Он уставился на неё с суеверным ужасом.

– Вот зараза! Вернулась! Кошмар какой!

– Мелочи жизни! – презрительно фыркнул гном. – Ко мне, в своё время, орочий жезл возвращался – и то терпел!

...– Должен же быть способ от него отвязаться! – горевал несчастный принц. Он уже раз пять повторил свой эксперимент – с прежним результатом. – Есть такой способ?

– Есть, – подтвердил добрый гном. – Радикальный способ. Если тебя убьют, он больше не вернётся. Перейдёт к убийце.

– Спасибо, обнадёжил!

– Извини, другого не знаю.

– А подарить? Отдать на милостыню? Испортить?

– Нет!

– Мы можем просто ничего не покупать, пусть себе лежит без дела, – придумала Меридит. Но брат по оружию был не согласен.

– Э, нет! Мы не выдержим соблазна. Избавляться, так избавляться!

– Да как же ты от неё избавишься?!

– Я знаю! – вмешался Аолен. – Я вспомнил! Надо купить что-нибудь **АБСОЛЮТНО НЕНУЖНОЕ**, бесполезное.

– Ты уверен? – заинтересовалась Энка, дотоле относившаяся к происходящему без особого внимания – её больше занимала новая доска.

– А мы сейчас испытаем! Идёмте! – в глазах демона-убийцы сверкнул азарт охотника.

– Куда?!

– Обратно, на рынок! Искать бесполезное! Мне интересно, сработает, или нет!

Лукавил магистр Ингрэм, ох, лукавил! На самом деле, свойства неразменной монеты его почти не занимали, он всегда был равнодушен к магическим артефактам. Но его безумно заинтересовал философский вопрос: какая именно вещь на дольском рынке может считаться **АБСОЛЮТНО БЕСПОЛЕЗНОЙ**?

Эх, и накупили же они в тот день всякого барахла!

Сначала пытались пойти по пути наименьшего сопротивления – покупали товар заведомо неисправный. Не действовало. Зачарованная монета возвращалась к владельцу.

– Вещь должна быть бесполезной по своей сути, а не по качеству, – заключил главный экспериментатор. – Вопрос в том, должна она быть бесполезной всегда, или в данный момент, бесполезной только для нас, или для всех смертных в целом?

– Не «для нас», а «для Эдуарда». Не обобщай. Неразменные монеты не бывают коллективной собственностью, – поправил гном.

На пробу купили долблённую детскую колыбель – предмет, в данный момент совершенно лишний. Не сработало. Купили красивую вышитую юбку необъятной ширины – Эдуард клятвенно заверил, что никогда в жизни такую не наденет.

– А вдруг у тебя появится невеста, и ты захочешь сделать ей такой подарок? – спросил Орвуд сурово.

– Никогда! – вскричал принц едва ли не с ужасом. – Никогда у меня не будет такой огромной невесты! Лучше уж на всю жизнь остаться холостым! Я люблю стройных женщин!

Но монета всё равно вернулась.

– Значит, покупка должна быть ненужной **ВООБЩЕ!**

Вот тут-то они и дали себе волю! Увы. Сехальские безделушки, дамские украшения, детские игрушки, любовные талисманы – все они оказались кому-то нужны! Золотой появлялся снова и снова! Друзья уже совсем отчаялись и хотели уходить, как вдруг, на одном из

прилавков, увидели... скажем так, объект. Белый, мраморный, резной, похожий на маленькую колонну, с углублением и креплениями наверху.

– Берите, берите, – уговаривал суетливый красномордый торговец. – Такая хорошая вещь! Редкая, богатая – чистый мрамор!

– А зачем она нужна? – подозрительно осведомился Эдуард.

– А это... Ну... Кому как! Берите, не сомневайтесь! Другой такой нигде не найдёте! Задаром отдаю! Сам бы любовался – да деточек надобно кормить...

– Берём! – кивнул Хельги. На успех он уже не надеялся, но надоели фальшивые причитания торговца.

И не прогадал! Неразменный золотой остался в чужом кармане! А счастливые обладатели незнамо чего устремились в гавань. По пути благородного эльфа стали терзать муки совести:

– Нехорошо мы поступили, – убивался он. – Сами избавились от неприятности, но обрекли на них бедного, ни в чём не повинного человека!

В ответ Хельги, не склонный идеализировать действительность, усмехнулся.

– Не переживай. Я более чем уверен – ЭТОТ человек таким неприятностям будет рад до визга! Если только его не прирежут наши разбойники. А вот остальных торговцев мы бессовестно обобрали – это факт!

Нельзя сказать, что после этих слов у Аолена стало легче на душе...

... У причала их встретила встревоженная Ильза.

– Слава всем богам! Явились! Я уже плакать собиралась! Называется «туда и обратно»! Вы что, весь рынок скупали?!

– Вот именно! – выпалил Эдуард. – Слушай, что расскажу!

Он рассказывал, а Ильза охала, ахала, и попутно разбирала покупки. Ей нравилось всё – и сехальские безделушки, и дамские украшения, и игрушки для детей, и особенно любовные талисманы! И даже огромная юбка – если её перекроить, получатся как раз две, на смену. Странно, почему эти вещи были куплены, как ненужные?

– А вот, – принц торжественно вручил ей мраморное изделие, – вот вещь, с помощью которой мы избавились-таки от неразменного золотого! Только не спрашивай, что это такое...

– Да я и сама знаю, – не дослушав, молвила Ильза. – Это подставка от Чёрного камня Ло!

Вот и думай, и гадай, простое ли это совпадение, или у Сил судьбы вновь появились намерения втянуть своих наёмников в очередную историю? Решили не думать вовсе: время покажет.

Ниже Дольна Венкелен разливалась вольно и широко. Степенно, неторопливо несла она к Океану свои мутные зеленоватые воды. Чтобы ускорить ход, гребцам приходилось налегать на вёсла. Охранникам, напротив, можно был расслабиться. Начинался короткий участок, подконтрольный Даан-Азару. Здесь тоже грабили, но в меру, без излишней наглости.

Орвуд сидел на носу ладьи, на мешке с корицей, поглядывал на юг, туда, где в туманной дали смутно угадывались очертания хребта Даарн-Ол, и старался пробудить в своей душе чувство ностальгии, приличествующее всякому патриотически-настроенному гному. Но только больше убеждался в том, что кочевая жизнь (особенно та её часть, что проходит в королевских покоях с золотой ванной) пришлась ему больше по вкусу, нежели тяжкий, монотонный труд в рудниках его подземной родины.

А Рагнар смотрел вперёд – там ждал его родной Отгон. Сколько раз уходил рыцарь из дому, и сколько возвращался, в каких чудных краях ни бывал, какие диковины ни встречал – но каждый раз при возвращении, ещё задолго до родных пограничных столбов, охватывала его такая радость, что вот, как сейчас, вперёд лодки готов был бежать!..

На границе их встретили с королевскими почестями – в Оттоне не было ни одного подданного, кто не знал бы своего будущего короля в лицо и не умел опознать издали, по богатыр-

ской фигуре. Эдуард не без удовольствия поглядывал на изменившиеся физиономии торговых гоблинов, обнаруживших, КОГО ИМЕННО наняли в охранники, на кого покрикивали, как на простого мужика, в глаза обзывали «громиллой» и отказывались выдать задаток под предлогом «чтобы не загулял»! Так они растерялись, бедные, что и о расчете чуть не позабыли! Спасибо, Орвуд напомнил, уж он-то своего никогда не упустил!

Дальше, от границы, пришлось пересечь на галеру – негоже, в самом деле, чтобы наследник престола разъезжал по своим владениям в качестве наёмного работника у торговых гоблинов! Собственно, самому наследнику на это дело было наплевать, он о том и подумать не догадался. Но так решил начальник речной стражи, и Рагнар не стал спорить, положившись на авторитетное мнение. Тем более, новое судно подали оперативно, и было оно куда более быстросходным, чем тяжело гружёная ладья.

Счастливые и гордые выпавшей на их долю честью, оттонцы налегли на вёсла, и через трое суток друзья были в дельте. А там, морем, и до столицы оставалось рукой подать...

...Идею Хельги король Робер одобрил и поддержал.

Последнее время ему не давала покоя одна проблема. Священный Грааль, поискам которого поколения рыцарей посвящали годы своей жизни, найден, стоит себе на полке в Уэллендорфском университете. Искать больше нечего. Утрачен сам смысл рыцарства – впору орден распускать! Как быть? Где взять новую, достойную цель?

Теперь решение пришло само собой! Нет нужды искать магический сосуд – пусть открывают новые земли! Занятие полезное, благородное, вполне соответствует рыцарскому духу! И то, что первым на эту стезю ступит не кто-нибудь, а наследник престола – очень символично!..

– ... Только у меня к вам, ребята, одна просьба будет. По пути зайдите в Оверин, возьмите с собой Уль-Бриана. Родителям скажете, я велел. Хватит уже ему за бабские юбки держаться!

– Что-о? Кого-о?! – Рагнар так и сел.

– Племянничка моего. Твоего, стало быть, кузена, – растолковал король, усмехаясь.

– Ой! А он петь станет! – невольно вырвалось у Хельги.

– Не, – успокоил король. – Он больше не поёт.

– Но папаша! Куда же мы его потащим?! Он нежный!!!

– Так и я о том же! Вон, Эдуарда взять, – он кивнул в сторону Ольдонского наследника. – Я ведь у них в королевстве бывал, с визитом. Помню его, каким прежде был: слизьяк слизьяком, почище нашего Улля! Верно?

– Верно! – без обиды, даже охотно подтвердил Эдуард. Он теперь и сам стыдился себя прежнего.

– Вот! А теперь какой стал! Любо-дорого посмотреть! Хоть в полководцы ставь! Так я, грешным делом, и подумал: может, вы и на нашего наследничка повлияете...гм... благотворно?

– Так это вам его надо в дольнскую школу Белых щитов отдать! – Ильза обрадовалась, что может дать дельный совет самому королю. – Там знаете какие порядки! Поневоле воином станешь!

Король с досадой махнул рукой.

– Да и отдал бы! Но, во-первых, мы с Дольном, что ни год, воюем, во-вторых, Оверинов удар хватит! Как же – их сокровище, да с грубыми солдатами! А вы – то, что надо! Два принца, демон, дочь сенатора, почти валькирия, маркиза и специалист по горным недрам – очень благородная компания! Оверины не придерутся!

– Па-ап, – осторожно спросил Рагнар, подталкивая отца в бок, – а если мы того... не воротимся? Или за Улем не уследим? Тогда как?

Робер развёл руками.

– Ну, эту уж как Судьба решит. А Оверины... Ну, да как-нибудь переживут! У них наследник есть.

– О! – просияла Ильза. – Сколько ему уже? И как зовут?

– Год с чем-то, что ли. Или два? Не считал, признаться. А зовут его... – тут король вздохнул и продолжил с отвращением, – зовут его Розалиан. Имя, конечно, аховое... А так ничего, крепкий парень. Может, не чета родителю будет... – и обернулся к сыну. – Между прочим, тебе тоже не грех о наследнике подумать! Не маленький. Сорок лет скоро!

– Тридцать! – поправил Рагнар. – И не скоро.

– Это тебе так кажется. А годы – они быстро летят. Так что, думай!

– Буду думать, дорогой папаша, – покорно, но не совсем искренне обещал любящий сын.

Вот что значит – протекция на самом высоком уровне! В дорогу собрались не просто быстро – молниеносно! Дольше составляли список – проверяли, боялись упустить что-нибудь важное. А потом Рагнар передал бумагу кому нужно – и через три часа Гром был полностью оснащён всем необходимым для многомесячного плавания. Только запас воды взяли небольшой – Хельги так велел. Сказал, что в любой момент сможет устроить дождь или сделать солёную воду пресной, Силам Стихий это доступно. А перегружать драккар ни к чему.

Десятого июня, под радостные вопли и торжественные напутственные речи оттонцев, драккар Гром вышел из гавани и, подставив новый полосатый парус южному ветру, лёг курсом на Оверин. Путешествие началось!

10 июня, понедельник.

Путешествие наше началось. Правда, немного неожиданно: мы идём не в открытое море, а курсом вдоль берега, на Оверин. Нужно взять на борт тамошнего наследника Ульль-Бриана РОверина (того самого, из-за которого я однажды проклял всех певцов, и у них отрасли вампирские клыки).

Мы с Рагнаром уже несколько часов спорим. Он считает, если у Грома парус квадратный, значит, он может идти только на фордевинд. И нужно было не спешить с отплытием и установить на него стаксель. Я ему объясняю, что если с помощью бона растянуть нижнюю часть паруса, можно будет и в крутой бейдевинд плыть, и даже галс поменять, а он не верит! Хотел изменить курс и показать ему, на что способен хороший драккар, но Энка сказала, что это плохая примета – сворачивать в начале пути. Ну, ничего! Вот сменится ветер, я ему докажу!.. Самому, что ли, ветер поменять?

Не буду, Меридит не велит, а я не хочу её расстраивать. Она всё переживает, что мы станем делать с Ульль-Брианом. Я предложил: посадим его черпальщиком. Занятие как раз для нежного герцогского отпрыска – особых навыков не требует и силу развивает. Но Энка стукнула меня по шее. По моему, незаслуженно! Ведь иначе нам придётся черпать по очереди.

Интересно, почему Силы Судьбы каждый раз подсовывают нам в спутники кого-нибудь совершенно неподходящего? Ну, всё, больше писать некогда, я стою за кормчего.

11 июня, вторник.

Ах, как же нам понравился Оверин! Город как игрушечный! На ярмарках в Срединных землях продаются пряничные домики с разноцветной глазурью и цукатами. Вот и дома в Оверине такие же – небольшие, аккуратные, жёлтые, розовые и белые, с высокими черепичными крышами, с красивыми вывесками,

с изображениями сердечек или четырёхлистного клевера на дверях и ставнях. Не уверен, что хотел бы жить в таком, но посмотреть очень приятно.

Очень много цветов, в палисадниках, в кадках и горшках прямо на улице, в оконных ящиках и подвесных проволочных корзинах. Об одну такую корзинку Рагнар стукнулся головой и нацепил на ухо настурцию. У Рагнара очень высокий рост, оверинцам следовало бы это учитывать, всё-таки он их сюзерен. А с цветком за ухом он стал похож на лоттского быка – Ильза ему об этом так прямо и сказала. Рагнар не обиделся, у него хороший характер. Я бы тоже не стал обижаться, но не потому, что у меня хороший характер, просто я не имею ничего против быков.

Энка ругает меня, зачем я записываю в дневник всякие глупости. Но это не глупости, а жизненные наблюдения с комментариями. И вообще, пусть свой дневник заводит, и пишет туда, что хочет. А чужие нечего критиковать.

А я продолжаю об Оверине.

Герцогский замок здесь тоже особенный – нигде такого не встречал! С башенками, шпилями, зубчатыми стенами, лесенками и прочими многочисленными украшениями. И выкрашен в приятный кремовый цвет! Весь, целиком! Это же не лень было красить! А крыша ярко-красная. Похоже на цветную картинку из детской книжки. Я начинаю понимать, отчего Улль-Бриан такой, каков он есть.

Замок стоит не в центре города, как, к примеру, в Ольдоне или Дефте, а на северной его окраине. Но это совсем не то, что обычные городские окраины. Всё здесь эстетично и благопристойно – нет ни нищих лачуг, ни кривых заборов, ни мусорных куч; зато мостовая имеется, и помои на неё никто не льёт. Не знаю, может быть, в городе и есть бедняки, но внешне они себя никак не проявляют.

Давно ищу, и не нахожу ответа на один вопрос. Понятно, что бедным горожанам не по силам построить добротный дом или замостить свою улицу. Но поправить забор, чтобы ровно стоял, и выливать помои в специальную яму, а не под ноги проходим – вполне выполнимо. Так почему они этого не делают? Я понял бы, если бы они были настолько перегружены наёмной работой, что не оставалось бы времени на домашнюю. Но ведь всё как раз наоборот... Не видят разве, что в грязи сидят? Или это такая неосознанная форма социального протеста?

Вокруг замка раскинулась... (ну надо же, как я поэтично выражаюсь, не иначе, обстановка действует!) раскинулась обширная зелёная лужайка. На ней пасутся совершенно идиллические овцы – с бубенчиками! Чистые, белые, без репьёв! Наверное, среди них Улль-Бриан и подцепил свою пастушку.

За лужайкой начинается дубовая роща. Уверен, там кишит феями. Они любят подобные места – вековые рощи, песчаные отмели, заросшие диким овсом, гроты среди морских утёсов, лесные поляны... В Рун-Фьорде тоже есть одно такое место – у ручья. Если прийти туда предзакатный час, можно поймать фею шёлковым силком – мы в детстве так делали иной раз. Если фея попадётся не очень вредная, она согласится исполнить какое-нибудь несложное желание в обмен на свободу (вредная освободится сама, и ещё пакость устроит). Лично мне повезло только один раз, и я попросил её посадить на мель драккар подменного папаши. Главное, я прекрасно мог сделать это сам, с помощью Сил Стихий. Но посредством феи казалось интереснее.

Вышло, конечно, очень эффектно – Морской Змей сел на Гремучую мель, ту, что у самого входа в нашу бухту. Эту мель знают все, на неё даже спяну ни разу никто не сел, её даже дети умеют обходить. А папашин драккар пропахал днищем, при всём честном народе, вдобавок, он сам стоял за кормчего! Над ним потом долго смеялись. Но попало, в итоге, всё равно мне...

Но это я опять отвлёкся. Возвращаюсь к Оверину. Перед дворцом устроен сад на аполидийский манер – с стриженными деревцами, качелями, каскадами и фонтанами, мраморными статуями и дорожками, мощёными клинкерным кирпичом. Ну, и без клумб, понятно, дело не обошлось. И всюду розы, розы... Беседки из роз, шпалеры из роз, розовые арки и галереи... Понятно, почему младенца назвали таким идиотским именем – очень уж увлекаются розами здешние обитатели.

Хотя, нет, не понятно. Вот я, например, много лет занимаюсь палеонтологией беспозвоночных. Но при всём своём интересе, случись у меня, не дайте боги, дети – всё равно не стану их называть Трилобитианом или Эхинодермом. Или Фузулиной какой-нибудь!

Да что у меня сегодня с головой?! Никак не могу сосредоточиться! Уже целый трактат написал – и всё не по теме!

Про Оверин я пишу! Замок. Изнутри. Оформлен в стиле рококо – мечта невинной девы! Розочек не меньше, чем снаружи, тем не менее, всё очень мило.

Приказ короля Робера привёл всех здешних обитателей в отчаяние. Не только герцогская чета и их невестка, но и придворные, и слуги страдали совершенно искренне. Да ещё Рагнар стоял у них над душой и торопил: «Скорее, скорее, медлить нельзя!» Я ему сказал: «Куда ты опаздываешь? Дай людям нормально собраться». Но он ответил: «Я знаю, что делаю. Ты сам не велишь перегружать драккар!»

В порту мы стали свидетелями душераздирающей сцены прощания. Рыдали все! Включая нашу Ильзу.

Но с тех прошло уже несколько часов, мы вышли в открытое море, и Уль-Бриан выглядит подозрительно довольным. Стоит на носу, скрестив руки на груди, и взором бывалого флотоводца всматривается в туманную даль.

С нами почти не общается, но ведёт себя вежливо. Энка его защищает. Следит, чтобы мы не издевались, а когда я сказал, что он похож на фарфоровую куклу, которую страшно разбить, ответила: «На себя посмотри!» Это жестоко с её стороны. Потому что выгляжу я, в самом деле, катастрофически. Раньше у меня, хотя бы, была надежда, что с годами ситуация улучшится. Но обнаружилось, что я демон, и что будет теперь – не знаю. В Асгарде есть бог Бальдр, он вечно юный и прекрасный. Вот не повезло парню! С ужасом думаю, не ждёт ли и меня подобная участь? В этом плане, положение Уль-Бриана не столь безнадежно, он, в крайнем случае, может бороду отпустить. У спригганов борода не растёт от природы. Не знаю, как у демонов-убийц, но пока никаких признаков...

Зато я продемонстрировал Рагнару возможности моего Грома, и он был уязвлён. На сегодня всё.

12 июня, среда.

Второй день плавания. Погода стоит хорошая, только солнце слишком слепит. Чтобы не усложнять себе жизнь, идём по ветру, точно на восток, и ссылаемся на волю Сил Судьбы.

Уль-Бриан больше не выглядит довольным, у него началась морская болезнь. Не знаю, чему Аолен учился в Конвелле чуть не целый год? Справиться с такой ерундой он по-прежнему не умеет. Несчастный Оверинский наследник висит на борту при последнем издыхании, а рядом крутится Эдуард, и развлекает рассказом о том, как однажды его стошнило прямо на голую никсу (или водяницу). Похоже, придётся мне самому принимать меры...

Приял. Стащил Уля с борта, загнал под палубу, дал ковш, и велел черпать, не то потонем. Это, конечно, жестоко, но так поступают всегда. Если лежать и ничего не делать, будет только хуже. И Энка с Рагнаром это прекрасно знают, но делают вид, будто они такие добрые и сострадающие, а я – демон-убийца.

Не смотря на лёгкую качку, Энка приспособилась чертить. Вроде бы, у неё получается. Меридит точит оружие – такая у неё привычка. Своё уже довела до совершенства, теперь принялась за моё. С тех пор, как мы вместе, я уж и не помню, когда в последний раз сам точил свой меч. Разучился уже, наверное! Аолен слагает песнь. Перемена окружающего ландшафта всегда вызывает у него потребность сложить новую песнь, такова особенность эльфийской природы. Рагнар, Орвуд и Эдуард играют в кости на интерес. Звали меня, но я всё равно никогда не выигрываю, наверное, это такое проклятие. Ильза вяжет, хотя считается, что она стоит за кормчего и тренируется в судовождении. Ну и пусть, ведь нам, по большому счёту, без разницы, куда плыть.

Хотя... что это там впереди? Похоже, рифы. Пойду, сменю её, пока не поздно!

13 июня, четверг.

Сегодня, совсем рядом с нашим драккаром, видели скримсла – хороший признак. Значит, ещё десять дней погода будет благоприятной. Только Ильза и Уль-Бриан перепугались. Они решили, это морской змей, который хочет нас пожрать. И заорали так, что до смерти перепугали самого скримсла, он зверь хоть и большой, но робкий и впечатлительный. В результате, мы чудом не перевернулись, когда он нырнул.

В наше время скримслов осталось немного: когда маги изводили средневековых чудовищ заклинаниями, под их действие попали и безобидные скримслы. Я за всю жизнь видел всего трёх, сегодняшней – четвёртый. Рагнар – двух. Энка утверждает, что пять, но думаю, врёт. А может, и нет, она ходила в южных водах, возможно, там они встречаются чаще...

Убеждал Меридит, что в море надо обязательно есть чеснок, чтобы не было цинги. Она отказывается, и даже Аолен не может на неё повлиять. Она говорит, из двух зол выбирают меньшее, а для неё чеснок много хуже любой

цинги, тем более, не факт, что у дис вообще бывает эта болезнь. Мы почти поругались, и тогда она обещала, что, как только у неё выпадет первый зуб, сразу станет заглатывать чеснок мерами. Но ни днём раньше.

Потом мы тренировались на мечях – чтобы не терять форму. Сперва Меридит меня победила, потом я её, потом к нам присоединилась Энка, следом – Рагнар и даже Аолен. А Ильза и Эдуард вычёрпывали воду и завидовали нам из-под палубы. Мы прыгали по всему драккару с мечами, и не столько тренировались, сколько просто веселились. Под конец подняли такой шум, что Орвуд велел прекратить безобразие и освободить место, он станет обучать Улль-Бриана обращаться с секирой, потому что на нас, олухов безответственных, нет никакой надежды.

Минут десять Орвуд и в самом деле гонял оверинского наследника между румами, но ему быстро надоело, и он перепоручил ученика Эдуарду. Что ж, если Улль будет уметь хотя бы то, что умеет Эдуард, во многих кругах его сочтут отличным воином.

А теперь я сижу и думаю, каковы шансы, что мы, двигаясь в заданном направлении, встретим на пути другой континент? Можем проскочить мимо и уткнуться в восточную оконечность Инферна. Возможно, нам следовало идти на юг? Тогда мы уткнулись бы... ну да! В Границу жизни. И пришлось бы возвращаться либо прежним путём, либо холодными водами, следуя в широтном направлении. Нет, это совсем не радует. Инферн, по крайней мере, можно будет обогнуть вдоль южного побережья.

В мире Макса континенты расположены так удачно, будто специально, для удобства первооткрывателей: мимо ни за что не проскочишь! А нам остаётся лишь уповать на Силы Судьбы. Хотя, стоит почаще заглядывать в Астрал. Большой пользы это не принесёт, но в какой-то мере поможет ориентироваться...

Скримсл не обманул. Десять последующих дней погода, в самом деле, благоприятствовала. Небо было высоким и голубым куполом, а Океан – плоской зеленовато-синей тарелкой. Все стороны горизонта открывались взору путешественников, и не находилось вокруг ничего, на чём можно было остановить взгляд. Только дельфины приплывали иногда, следовали за драккаром, высывали из воды весёлые морды, как будто хотели подмигнуть. Ильза не знала, есть у них разум, или нет, и на всякий случай вежливо кланялась.

Зато по ночам светили звёзды, и было их много, много – на суше столько никогда не увидишь. Ильза вылезала из палатки, ложилась на спину и таращилась в небо часами, пока не начинала зябнуть. Временами и у Рагнара появлялось настроение любоваться ночным небом, тогда он поднимал Ильзу, Эдуарда и Улля и учил их ориентироваться по звёздам – показывал большой и малый ковш, полярную звезду Лис, Галеан на южном горизонте, и ещё много полезного. Но Ильзе хитрая наука в голову не шла, и она рассеянно зевала. Наследники были старательнее.

Не менее интересным и загадочным, чем ночное небо, был ночной океан. Он тоже сиял, он переливался тысячами огоньков. За кормой драккара тянулся красивый мерцающий шлейф воздушных пузырьков. Морские обитатели мелькали в тёмной толще, оставляя за собой светящиеся хвосты, подобно кометам. Дельфины выпрыгивали из воды, и с их гладких тел скатывались струи холодного, золотисто-зелёного жидкого огня.

Ночь Ильзе нравилась больше. А днём, не смотря на весёлое солнце и безоблачное небо, на неё порой нападала непонятная, но острая тревога. Понятие «агорафобия» было девушке не знакомо, и она пыталась найти своим страхам рациональное объяснение.

– А пираты на нас не нападут? – приставала она к Хельги.

Тот успокаивал:

– Откуда им здесь взяться? Пираты промышляют там, где есть, кого грабить.

– А фьординги? Вдруг они тоже надумают искать новые земли?

– Один шанс на миллион, что столкнёмся.

Тогда Ильза, разочарованно вздохнув, приводила последний, убийственный аргумент.

– А морские чудовища?!

Эту версию никто не отвергал. Начинался увлекательный разговор о трюмолях, тех, что любят переворачивать корабли вверх дном, о кошмарных кракенах, стерегущих сокровища в чёрных пучинах, об убийцах-левиафанах, истребляющих всё живое не своём пути, о морских змеях, крылатых и бескрылых – какой только дряни не водилось на этих безбрежных просторах, таких мирных и спокойных с виду. Ильза слушала, и сердце её замирало. Но на душе почему-то становилось легче. Страхи принимали оформленный образ и пугали немного меньше...

А на одиннадцатый день Хельги, ближе к обеду (по его представлениям, остальные уже подумывали об ужине), настороженно понюхал воздух и объявил:

– Будет большая буря.

– Ты уверен? – удивилась сестра по оружию.

Всё в природе оставалось по-прежнему безмятежно: лениво плескался и ворочался Океан, сияло солнце, и ветер был ничуть не сильнее, чем накануне.

– Уверен! – подтвердил подменный сын ярла. – К ночи соберётся.

Спустя два часа с ним согласился Рагнар, ещё через час – Энка. К этому времени далеко на южном горизонте появились облачка – лёгкие-лёгкие пёрышки, будто выпавшие из крыла белоснежного гуся.

К буре готовились заранее. Всё, что можно привязать – привязывали, прятали в надежные места. Снимали палатку, спускали парус. Налаживали «плавучий якорь» – полезное этгелийское приспособление, не позволяющее судну становиться поперёк волны. Энка скакала по драккару с чертёжной доской, всё не могла решить, где именно её сокровище будет в большей безопасности. В конце концов, привязала её себе за спину.

– Тогда и мой дневник спасай, – решил Хельги. – С таким грузом от тебя всё равно не будет толку.

Сильфида усовестилась и перевесила доску за спину Ульль-Бриана со словами: «За борт выпадешь, так она тебя на плаву удержит».

– Типун тебе на язык! – рассердился Рагнар.

Потом Хельги давал инструкции – как себя вести, кому что делать и чего делать нельзя, и как быть в случае чего, и тому подобное.

Особенно странными казались эти едва ли не предсмертные приготовления в свете восхитительного, мирного, нежно-розового заката...

А ночью творилось страшное. Потом, когда всё кончилось, и Хельги сказал, что ничего выдающегося в этой буре не было, буря как буря, случаются и хуже – Ильза почти обиделась.

Ветер – чудовищный, способный, казалось, вырвать из тела саму сущность, гнал огромные, немыслимо огромные валы. Волны перехлестывали через палубу, они пролетали высоко над ней, так что на мгновения драккар оказывался будто под водяной крышей, рассыпающейся лавиной солёных брызг. Но ещё хуже были те волны, что поменьше – уж они-то обрушивались на судно всей своей мощью. Драккар бросало из стороны в сторону, раскачивало, как на гигантских качелях. Дух захватывало, когда он стремительно обрушивался в водяную пропасть, разверзшуюся жадной пастью, или взмывал к самому небу на гребне чудовищной волны – трещала, срываясь на визг, обшивка, казалось, корабль неминуемо развалится пополам. Дождь лил холодными пресными потоками, прямо в воздухе смешиваясь с солью Океана. И Ильза вообще переставала понимать, где верх, где низ, где море, где небо, и остался ли ещё на свете

воздух – всё вокруг казалось сплошной водой, и не было от неё спасения. Молнии сверкали почти непрерывно, одна за другой, или сразу несколько, в разных краях неба. И мокрая статуя Фернира на носу зловеще отблёскивала в их сполохах, она казалась живой. Оглушительные громовые раскаты сливались с ударами волн. Буря выла, грохотала, и в неистовом рёве её чудились голоса разъярённых морских демонов...

Но самым ужасным в этом вселенском безобразии было то, что оно не собиралось прекращаться! День сливался с ночью, ночь переходила в день, а вокруг было без изменений – темно и страшно.

Они потеряли счёт времени, не ели и не пили (впрочем, недостатка в воде не было – открывай рот и лови), продрогли так, что приходилось бороться со сном. Уль-Бриан терял сознание. Ильза плакала в голос и не ощущала слёз, остальные делали что-то полезное, но она не могла разобрать, что и зачем, и не верила, что это их может спасти...

И всё-таки они выдержали! И Гром устоял под напором стихии! Хотя Рагнар и утверждал, что победа над бурей была не совсем честной – в самые страшные минуты Хельги пускал в ход спригганскую магию, смягчал удары (он очень переживал за мачту, как бы её не сломало). Ильза испугалась, когда сразу после бури увидела его лицо – он не был похож на живого.

Чудо, но непоправимого ущерба буря не нанесла. Кое-какие запасы всё-таки смыло, парус потрепало, надломило макушку мачты («Не уберёг!» – в шутку горевал Хельги, потому что большой беды в том не было). Зато доска, вместе с Уль-Брианом, осталась на месте, и чертёж, надёжно упакованный, подмок меньше, чем можно было ожидать. И дневник тоже почти не пострадал, наоборот, вид его обрёл некое романтическое благородство...

Июнь (наверное) Число не знаю, день тоже.

Не писал несколько дней по уважительной причине – приключилась сильная буря. Аолен утверждает, что длилась она пять дней, мне кажется – четыре. Ильза и Эдуард в один голос, полный возмущения, орут, что как минимум, неделю. Энка смеётся и предлагает компромисс – шесть. Орвуд возмущается – едва живы остались, а спорим из-за глупостей.

В общем, мы совершенно запутались во времени и пространстве.

Хотя, насчёт пространства, это я для красного словца. Я очень внимательно следил, куда нас несёт, и с уверенностью могу сказать, что курс мы почти не изменили, только забрали севернее. Уж не знаю, к худу это, или к добру, надо возвращаться на прежнюю широту, или не надо.

Голова у меня болит, прямо пополам хочет треснуть. Это из-за спригганской магии, она мне всегда вредит. Зато Гром уцелел, и путешествие наше продолжается!

Вычёрпываем воду, штопаем парус. Ильза разбирает продукты, процесс сопровождается стонами и причитаниями. Я ползаю по драккару и собираю образцы. Какой нам только живности бурей не накидало! Медузы, рыбы, моллюски, иглокожие – я уже двадцать два вида насчитал! Идиот, зачем я не догадался взять с собой спирту?! Теперь приходится зарисовывать и выбрасывать за борт – всё равно пропадёт. Рисую, рисую – скоро так натренируюсь, что смогу, при нужде, живописцем подрабатывать. Хоть бы Энка помогла, что ли! Но её не допросишься. Вот сейчас допишу, и стану дальше... ой, что-то Ильза дурным голосом орёт!..

... Не зря она орала! Я в первый момент тоже едва удержался. В воде, скопившейся под носовой палубой, плавало, брюхом кверху, полудохлое

(сперва мы решили, что совсемдохлое) существо. Я такого раньше никогда не видел. Размером с локоть, тельце плотное, покрыто редкими волосиками, а брюхо совсем голое, белёсое, кожа на нём мягкая и тонкая. Конечности тощенькие, длинные, пальцы с перепонками. Шеи почти нет, башка крупная, глазки маленькие, и вообще, в лице есть что-то от выхухоли. Хвост толстый и очень короткий, так, рудимент какой-то, а не хвост – Энка говорит «огузок». В целом, впечатление производит безобразное – в руки взять противно. Пришлось мне, как натуралисту, больше никто не захотел.

Мы решили, что это какая-то неразумная морская тварь, заброшенная к нам бурей, и хотели выкинуть за борт, пока совсем не подохла. Каково же было наше удивление, когда оно заговорило, вернее, заорало по-староземски: «Помогите, спасите, убивают!». С перепугу я его уронил, и оно обозвало меня болваном.

Стали выяснять, кто таков, откуда взялся. Оказалось – судовой! Я даже разозлился! Где это видано, чтобы на боевом фьордингском драккаре водились судовые, будто на обывательской торговой посудине?! Он тоже разозлился. Разумеется, сказал он, ни один уважающий себя судовой не согласится жить на драккаре по доброй воле, без особой на то нужды. Но его постигло несчастье – прямо в оттонском порту затонул его старый галеон. От безысходности пришлось переселиться на первое, то подвернулось, и довольствоваться этим убожеством. Да, он прямо так и сказал – «этим убожеством»! А потом встряхнулся, обрызгав нас с ног до головы, и уполз под палубу. Зря я его пожалел, не выкинул. У него очень дурной нрав. Но, так или иначе, теперь нас на драккаре десять. А провизии стало меньше. Интересно, что ест судовой?

Второй день после бури.

Выяснили мы, что он ест – ВСЁ! И помногу! И ведёт себя нагло – вылезает и требует, будто мы ему чем-то обязаны. Эдуард спросил, разве судовым не положено прятаться, скрываться от посторонних глаз? Он ответил: «Чего уж теперь скрываться, раз вы видели меня во всей красе!» Я ему сказал, чтобы он не обольщался насчёт «красы», а он принялся гадко хихикать: «А у некоторых даже борода не растёт! Некоторые будут вечно юными и прекрасными!» Значит, эта маленькая дрянь и до моего дневника успела добраться!

Имени своего он нам не говорит – оно и понятно. Если знать подлинное имя подобного существа, его можно заставить себе служить. Мы часами перебираем разные имена, но на нужное пока не наткнулись. А жаль. Было бы неплохо держать его в узде. Я ему обещал, что если станет пакостить, мне придётся его *поглотить*. Это произвело должное впечатление, гадостей судовой пока не делает, только ест (причём не меньше Ильзы – куда в него только помещается!). Но мне теперь стыдно – нашёл, кого пугать грозной и могучей демонической сущностью!

Погода стоит тёплая и ясная, почти как до бури. Только с Юга время от времени приходят короткие, но сильные шквалы, приходится следить за курсом.

Я насчитал тридцать четыре вида морской фауны, из них минимум десять – новые. Сделал около сотни зарисовок (в разных проекциях).

Энка соглашалась мне помочь, но ничего не вышло. Её рисунки высокохудожественны, но в качестве научного материала не годятся. В другом мире есть такая полезная штука – сама делает изображения. Очень бы мне пригодилась!

Аолен слагает новую песнь. О буре. Получается очень поэтично – так сказала Меридит, а она знает толк в поэзии. Когда вернёмся, Аолен хочет издать в Конвелле книгу и назвать её «Песни странствий». Говорит, у него есть уже восемь песен, надо ещё с десяток.

Энка начинает выказывать первые признаки нетерпения – удивляюсь, как надолго её хватило. Я думал, она заскучает гораздо раньше. Но она любит море, и ведёт себя в нём более уравновешенно.

Ильза с Уль-Брианом тренируются на мечях. После бури его перестало тошнить совершенно! Воистину, из всего на свете можно извлечь пользу!

Эдуард, похоже, задумал стирать – носится с какими-то тряпками. Орвуд дрыхнет.

Вот так и живём.

* * *

...Никогда прежде Мир не менялся столь стремительно.

Кончилась прекрасная сказка королевы Мэб – пала Волшебная страна, атакованная снаружи и изнутри. Льды пришли с Севера, оттеснив Границы жизни далеко на юг. И не стало зелёных, цветущих островов Эмайн, само название забылось, ушло из памяти народов. «Замёрзший архипелаг» – так звали их теперь. Да и народов тех тоже не стало. Героические Дини ши, благородные тилвит тег, прекрасные гуараггед аннон, страшные слуа и ещё многие, многие из тех, что составляли великолепный двор королевы-феи, остались там, под толщами льда...

И только проклятые спригганы, измученные многолетней борьбой со стихией, голодные, усталые и злые, с душами, отравленными горечью потери родины, шли на Континент волна за волной, с боями завоёвывая право на жизнь.

А там, на Континенте, крепились новые силы. Те, кто прежде не смел поднять головы под властью могучей Королевы, стремились взять от жизни своё. Обрел независимость гордый Сильфхейм. Теперь он стал сам по себе, и не было ему дела до остального мира. Далеко за пределами родного Даан-Азара застучали молотки гномов, решивших, что все недра Староземья отныне принадлежат исключительно им. На Севере закопошились кобольды. Прежде полудикие, они вдруг объявили себе, ни больше, ни меньше, королевством, и изрыли все перевалы своими ловчими ямами. В степных предгорьях хозяйничали и богатели мирные степенные кудиане – самый презираемый народ Волшебной страны. Дисы совсем распоясались и держали в страхе все северные города. Они, дисы, созданы для войны, а войн меньше не стало – отчего не радоваться жизни?!

Человечьи Герцогства – приморские и срединные, те, что едва не истребили друг друга в страшных магических войнах, за которыми, посмеиваясь, будто над проказами зверей, наблюдала Королева, – объединились под короной Карола, вошедшего в историю под гордым именем «Освободитель». Но мало кто знает в наши дни, что вторым его прозвищем было – «Кровавый»! То, что не довершили льды Севера и маги Коллегии, довёл до конца, доистребил он. Даже память о Волшебной стране искоренялась с помощью меча и магии. Лишь через столетие после смерти Карола, учёные книгочеи осмелились скрытно, своим тайным кругом, вспомнить и написать о ней...

С тех пор род людской размножился, как никогда, расселился по всему Староземью. Век человека короток, плодятся люди быстро и бездумно. И еды им всегда надо много.

...И падали под топорами лесорубов вековые рощи, и величественные леса уступали место бескрайним полям, и грязный скот вытаптывал девственные луга, и даже вольные реки меняли свои русла...

Нет, люди никогда не воевали с эльфами. Эльфы – единственный из лояльных Мэб наров, сумевший сохранить добрые отношения с людьми. Но теперь людей стало СЛИШКОМ много. И эльфы поняли – их время прошло. Одни остались выживать на руинах Волшебной страны, заселили последние её островки, спрятанные за завесой разделённого пространства. Другие навсегда ушли в глухое Чернолесье. А третьи...

Ещё живы последние из тех нелюдей, кто помнит, как свершился Великий Исход.

Они уходили на рассвете, на белых кораблях с парусами цвета утренней зари... Десятки, а может, и сотни белых кораблей... Откуда взялись они, кем и когда были построены? Ни на одной верфи Староземья такие не умели делать...

Медленно рассекая серые воды Океана, корабли отплывали и ложились курсом на запад – и казалось, будто они уносят на своих парусах само восходящее Солнце.

Это было и прекрасно, и жутко. Даже грубые отпрыски рода человеческого, и те не могли удержаться от слёз, глядя им вслед. Даже они понимали... нет, скорее, чувствовали: случилось что-то важное и непоправимо-горькое...

Сами эльфы не плакали. Мраморно-неподвижны были их прекрасные лики, плотно сомкнуты уста – не слышно было даже обычных морских команд. А глаза... Глаза уже не принадлежали этому миру. Они смотрели только вдаль. Ни один не оглянулся, чтобы проститься с родиной навсегда.

И никто из сородичей, не пожелавших покинуть Староземье, больше никогда не слышал о них. Нашли ли они своё счастье, или сгнули в бездонных пучинах Океана? Судьба Ушедших так и осталась тайной.

* * *

– ...Судьба их оставалась тайной... – закончил свой рассказ Аолен.

– Да! – Хельги передёрнул плечами, будто от холода. – Печальная история. Особенно когда знаешь, чем она закончилась.

Июль, девятый день после бури.

Вчера мы увидели Землю. Вернее, и не землю даже, а туман. И не «увидели», а увидел. Аолен. Из-за своей ужасной привычки вставать с первыми лучами Солнца. Встал и увидел на южном горизонте большое облако тумана, прямо над водой. И понял, что там земля. Вообще-то, близость суши мы заподозрили ещё накануне, когда в воде стали появляться пучки зелёной травы, непохожей на обычные водоросли. Но если бы не Аолен – непременно бы её проворонили, и, наверное, оно было бы к лучшему. По крайней мере, для него самого.

Но тогда мы, конечно, обрадовались. Все прыгали, орали, разбудили меня, и я не стал злиться, что ни свет ни заря... Мы не знали, остров это, или искомый континент, но нам было неважно, лишь бы ступить на твёрдую землю.

Очень скоро мы на неё ступили...

... Но прежде Хельги некоторое время изучал новую землю через Астрал, и, наконец, пришёл к однозначному выводу: остров. Но очень большой, не меньше Сильфхейма, и весь пропитанный магией, очень похожей на эльфийскую.

Отыскав удобную бухту, путешественники причалили драккар к берегу.

Остров был обитаем – это сразу бросалось в глаза. На отвесной прибрежной скале, на идеально гладкой поверхности, явно обработанной вручную, особыми эльфийскими рунами, заметно отличающимися от обычных староземских, была выбита надпись. «Здесь есть наш последний приют» – так перевёл Аолен.

– Не «последний», а «вечный» – поправила Меридит. – Ты трактуешь по-современному, а надпись сделана пятьсот лет назад. Смотри – вон дата!

– Верно, – согласился эльф немного смущённо. – Вечный. – И взглянул на дису с уважением.

Хельги поморщился.

– В любом случае, звучит невесело. Наводит на мысли о кладбище.

– У эльфов не бывает кладбищ, – успокоил Аолен. – Наши тела сливаются с природой.

– Это обнадёживает, – кивнул демон-убийца.

Не смотря на печальную надпись, сам остров выглядел восхитительно. Трава была зелёной и свежей, ручьи, сбегаящие в океан по каменистым руслам – пресными, а неизвестной породы хвойные деревья – гордыми, величественными и огромными, почти как легендарные эльфийские коэлы. Хельги взглянул через Астрал, и увидел кружевные скопления белых сияющих нитей – все деревья на острове были магически изменёнными.

– Точно, без эльфов не обошлось, – изрёк он многозначительно. – Идёмте, поищем. Может мы их найдём, может, они нас... так или иначе, попросим у них еды. А то не знаю, как мы прокормим нашего судового! Запасы прямо тают!

– Нашёл крайнего! – фыркнула Энка.

Бросать драккар на берегу без присмотра всё-таки побоялись. Стали тянуть жребий, кому сторожить. Выпало Орвуду и Уль-Бриану.

– Третьего давайте! – рассердился гном. – Случись что – какой мне прок от Улля?

– У тебя ещё судовой останется! – напомнила сильфида ехидно.

– А-а! Ну, конечно! Уж с ним-то мы всех врагов одолеем!

Третьим остался Рагнар. Уж как он, бедный, огорчился! А между тем, только в этом и было его спасение...

Условились, что разведчики будут идти вглубь острова целый день (если только эльфы не встретятся раньше), заночуют в лесу и завтра вернуться обратно. На всякий случай, Хельги крепко привязал к Ферниру своё левое ухо...

Скоро путешественники углубились в чащу.

Ах, какой же это был лес! Чистый, будто ухоженный парк, светлый – весь в солнечных бликах. Аолен шагал – и сердце его трепетало от радости слияния с природой, чувства, в полной мере свойственного, пожалуй, одним лишь эльфам. Редким людям и нелюдям доступно испытать подобное блаженство хоть раз в жизни...

Всё здесь напоминало ему о далёком родном доме – и мягкая, как сахальский шёлк, трава, и зелёные куртины нежнейшего мха, и огромные, в несколько обхватов, янтарно-тёплые стволы могучих деревьев. Звенели птичьи голоса, воздух наполнился густыми запахами молодой хвои и свежей смолы. Грибы, на радость Ильзе, высовывали из мхов свои блестящие шляпки, и ягоды светились на невысоких кустах синими и красными фонариками, и папоротники подрагивали своими зелёными пёрышками. Ветра не было совершенно – ни малейшее его дуновение не проникало под зелёные своды. И солнце пробивалось сквозь высокие кроны косыми лучами, наполняя пространство особым, торжественным светом, будто в храме лесного божества...

А через полчаса пути, им открылась поляна, прекрасная, как в сказке. Обрамляли её кусты с белыми цветами, пахнущими столь чарующе, что можно было позабыть всё на свете, да так и остаться тут навеки, вдыхать их сладостный аромат до конца дней. Посредине лежали два круглых озера, тёмное, словно окно в иной мир, и светлое, искрящееся опаловыми красками. В тёмном не водилось ничего живого, зато на поверхности светлого плавали дивной красоты цветы, похожие на речные лилии, но в несколько раз крупнее, с сочными зелёными листьями размером с хорошее блюдо. Между озёрами стоял шатёр, жемчужно-серый, расшитый золотой нитью, он поражал своим великолепием...

Кое-кто из присутствующих однажды уже видел нечто подобное!

– Боги великие! – всплеснул руками Аолен. – Это же Сердце Общего дома клана! Да как же нас допустили сюда?! Почему не остановила стража?! Неужели жизнь на этом острове такая мирная и благодатная, что не приходится опасаться врагов?

Ответ пришёл почти сразу, но был он вовсе не таким радужным, как представлялось эльфю. Ильза из любопытства подошла к шатру и потрогала шёлк, потёрла между пальцев, как это обычно делают дамы при покупке ткани. И вдруг всё сооружение с тихим шелестом осело, опало, рассыпалось, взметнув в воздух облако серебристой пыли. Спустя мгновение, у ног насмерть перепуганной и отчаянно чихающей девушки лежала лишь кучка праха. Даже остова не осталось.

– Теперь понятно! – озвучил очевидное Эдуард. – Этот посёлок заброшен давным-давно. Тут всё истлело.

– Странно! – удивился Аолен. – Очень нетипично! Как правило, если клан переселяется на другое место, из Сердца Общего дома стараются забрать всё что можно. Озёра, понятно, с собой не унесёшь, но я никогда не слышал, чтобы бросали шатёр оэннон! В моём клане подобное сочли бы святотатством!

– Тэмпора мутамур! – важно сказал Хельги на красивом мёртвом языке латен. – Времена меняются. Пятьсот лет назад всё могло быть иначе.

Аолен хотел возразить, что для эльфов пятьсот лет – не срок, но не стал, какой смысл спорить?

– А может, они и не ушли, просто здесь случился мор? – высказала своё предположение добрая сальфида.

Аолен хотел возразить, что эльфы не подвержены моровым поветриям, но снова промолчал. И они пошли дальше.

Но и дальше было не лучше. До заката разведчики нашли ещё семь или восемь Общих домов. Но все они были так же пусты. В одних не сохранилось ничего, кроме озёр, в других были видны даже останки жилых галерей – но всё рассыпалось, исчезало при малейшем прикосновении, уходило в небытие. Как выстояла эта хрупкая красота столько лет, почему не разрушилась прежде, под ударами океанских ветров – это можно было объяснить только магией. Здесь всё было прах и тлен – никто, нигде и никогда прежде не встречал столь прекрасного праха и тлена...

– Думаю, дальнейшие поиски бессмысленны, – грустно и устало сказал Аолен, опускаясь в мягкий мох неподалёку от светлого озера. – Этот остров покинут. Надо переночевать и возвращаться на драккар. На обратном пути соберём грибов и ягод.

– А на побережье наловим рыбы! – подхватил Эдуард, он не видел повода для печали. Мало ли на свете заброшенных сёл? – Я ещё там, на скале, устриц видел! Эх, давно я устриц не едал!

Настал ночь, такая теплая и звёздная, что не было нужды разводить огонь. Уставшие за день тела утопали в мягких мхах, будто в перине, ночные птицы насвистывали колыбельную, где-то очень высоко в колючих кронах умиротворяющее перешёптывались лёгкие ветерки...

Очень скоро путники погрузились в сон, едва не ставший последним в их жизни. Потому что Ильза – ей выпало дежурить первой – тоже заснула, убаюканная дурманящими ароматами...

Хельги проснулся среди ночи в панике, вскочил. Его трясло как в лихорадке, сердце колотилось, будто после долгих часов бега, кровь ухала в ушах, лоб был холодным и мокрым, а ноги казались ватными... Ещё никогда в жизни ему не снилось кошмара столь яркого, столь убийственно-реального, буквально осязаемого.

Это были деревья. Нет, они не превращались в ночных раскоряченных чудовищ, как в Волшебной стране. Они не покидали своих мест и не пускались вдогонку за жертвой, как в легенде о Яне-Лесорубе. Не хватали ветвями и сучьями, не обвивали корнями-змеями, как в Чернолесье. Они просто убивали. Оставаясь при этом величественными и прекрасными.

Они не желали видеть под своей сенью чужаков. Каждая ветка, иголка, каждая капелька смолы была пропитана жгучей и страшной НЕНАВИСТЬЮ. У них был разум, у них были мысли – они острым штопором ввинчивались в чужое сознание. «Уходи. Тебе здесь не место. Тебя здесь не ждали. Ты – чужой! Ты – грязная тварь из грязного мира. Тебя не должно быть! Умри! Умри! УМРИ!!!» Их злые голоса сливались в беззвучном, но нестерпимо громком хоре, от этого рёва нельзя было спастись, даже лишившись слуха, потому что звучал он прямо в мозгу. Тысячи и тысячи голосов приказывали: «Прочь! Прочь! Умри!». И это была не пустая угроза! Обезумевшие от ярости деревья пили Силу, высасывали её, будто голодный упырь. Они и к самой сущности умели подобраться!

Хельги потрянул головой, протёр глаза, отгоняя наваждение: приснится же такое, в мирном-то лесу! Нарочно не придумаешь! Он посмотрел в небо, черное и звёздное – до рассвета оставалось ещё далеко. А вокруг было так тихо, так славно, что вновь потянуло на сон. И он хотел лечь нова, но случайно бросил взгляд на лица спутников... и сон как рукой сняло. Силы Стихий!!! Похоже, всем им снился один и тот же кошмар!

– Вставайте!!! Проснитесь, тетери сонные!!! Вот уроды!!! Да вставайте, чтоб вас! – демон грубо тормозил полубесчувственные тела, толкал, бил по щекам наотмашь. Он был в совершеннейшем ужасе, подобного которому не испытывал никогда в жизни, он захлёбывался отчаянием. Ведь если даже его, грозного и могучего демона-убийцу ужасный лес едва не задавил в своих объятиях, – что сделал он с его спутниками, простыми смертными?!

И всё-таки они проснулись. Бледные, дрожащие, задыхающиеся от страха, едва способные устоять на ногах от слабости и головокружения. Ильзу долго рвало. У Эдуарда носом шла кровь. Остальным, включая «грозного и могучего», было не намного лучше. Но медлить было нельзя.

– Бежим! – скомандовала Энка, едва успев осознать, что происходит. – Скорее, к берегу! Или мы все здесь умрём!

Как же они бежали! Напролом, через кусты, вдруг ошетилившиеся злыми колючками, спотыкаясь на скользких куртинах мха, падая, с размаху, во весь рост, лицом в траву, не всякий раз успевая вовремя обогнуть древесный ствол... А лес упорно не желал отпускать свои жертвы. Стоило разуму, измученному страшной ночной гонкой, померкнуть хоть на миг – деревья впивались с новой силой: «Умри, умри!»

– Осторожнее! – умолял Аолен набегу. – Дышите ровнее! Головой не стукнитесь, ради всех богов! – он понимал: тот, кто потеряет сознание, неминуемо потеряет и жизнь.

А небо оставалось безжалостно-чёрным, и лес всё не кончался, и силы были на исходе...

Но вот, наконец, где-то впереди забрезжил неверный свет, деревья начали редеть, и между стволами стала видна спасительная гладь Океана, розовеющая в лучах зари.

Ильза... да что там Ильза! Грозный и могучий демон-убийца и тот плохо помнил, как скатились они, не разбирая дороги, вниз по каменной круче, как, завидев Гром, не стовариваясь, бросились в воду, и вплавь, вплавь – лишь бы скорее добраться до родного драккара!

Заспанные, удивлённые и встревоженные сторожа бросили им верёвочный трап, но за Ильзой и Эдуардом Рагнару пришлось спускаться самому – у них сил не осталось даже на то, чтобы держаться за верёвки, пока их будут вытягивать.

– Да что с вами? Что случилось? – наперебой допытывались рыцарь и гном, а Уль-Бриан испуганно повизгивал: «Ой! Ой!». И даже судовой, встопорщенный со сна, вылез из-под палубы, крутился рядом и давал советы: «Их надо водичкой, водичкой побрызгать!», даром, что «они» были только что из океана.

– Да расскажите же, ради всех богов!

– Ох, не спрашивайте! – Хельги в изнеможении плюхнулся на палубу, родную, как никогда. – Нас едва не пожрали заживо! – и попросил, оглянувшись, будто опасался погони. – Ради всех богов, отчаливайте поскорее.

И до самого полудня от участников ночного кошмара было не добиться толку, хотя ни один из них больше не заснул. Да и потом сведения приходилось из них только что не клещами вытягивать. Больше было эмоций, чем вразумительных ответов.

Лишь ближе к закату они отошли от пережитого настолько, чтобы начать связный разговор.

И начала его, как водится, Энка.

– Слава богам, Рагнара с нами не было! Он на такие вещи податливый – вспомните Чернолесье! Непременно помер бы! – изрекла она ни с того ни с сего, а потом потребовала. – Если кто-то понимает, ЧТО ЭТО БЫЛО, объясните и мне.

– Деревья! Они все проклятые! Убить нас хотели! – отвечал Хельги бестолково – это и без него было ясно, каждый ощутил на себе.

Но Меридит серьёзно кивнула.

– Да-а! Вот это сила! После такого наше Чернолесье покажется тренировочным лагерем для новобранцев!

– Жуть! – вторила Ильза. – А злые какие! Сушие упыри!

– А мы гадали, куда подевались тамошние эльфы! Их бедных, деревья пожрали! Всех, подчистую! Вот беда! – загоревал Эдуард.

И тут очнулся Аолен. До этого момента он сидел в стороне ото всех, на корме, уткнувшись лицом в колени, обхватив голову руками. Друзья решил, что его тошнит, и не беспокоили.

– Нет! – сказал он, и в голосе его звенело такое отчаяние, что всем опять стало страшно. – Нет! Всё было иначе! Это не деревья! Это оннолэннон!

– Что? Кто? – все недоумённо переглянулись. Они готовы были поклясться, что не видели никого кроме деревьев, и голоса шли именно из них. – А это что ещё за твари?

– Твари! – горько усмехнулся эльф непонятно чему. – Оннолэннон. Лишённые тел. Помните, я вам рассказывал про своих тёток?

– А-а! – оживилась Ильза, эта тема её и тогда занимала. – Которые хотели посадить тебя в дупло, чтобы ты там философствовал, пока не останутся только глаза и рот?

– Да. Именно так. Эльф сливается с деревом, утрачивает тело и живёт вечно, в гармонии с миром... – Аолен перевёл дыхание, будто собираясь с духом перед самым страшным, и выпалил, – в этом лесу каждое дерево – оннолэннон!

– Мапочки мои обе сразу! – выдохнул Хельги, бледнея. – Ты хочешь сказать, нас едва не угробили ТВОИ СОПЛЕМЕННИКИ?! Эльфы?! Благородные и прекрасные?! Ты уверен? – дикая мысль не желала укладываться в его голове. Это было так же невозможно, как если бы дева корриган взяла топор и вышла на большую дорогу, или домовый гоблин записался в гильдию наёмных убийц.

– Я уверен, – заговорил эльф, отдельно и монотонно, без всякого выражения. – Меня они не просто убивали. Они говорили со мной. Хотели, чтобы я знал... Зачем? Они всё равно не выпустили бы меня живым...

– Вот что случается, если слишком долго сидеть на одном месте! – торжествующе заявила Энка. – Эти эльфы до того дофилософствовались, что совершенно озверели! И немудрено! Я бы на их месте... – и перебила сама себя. – А о чём именно они с тобой говорили?

И эльф поведал о Великом Исходе.

– Да, грустная история! Особенно когда знаешь, чем она кончилась, – сказал Хельги. – Одного я не понимаю. Ушли они из Староземья, нашли такой чудесный остров. Чего им нормально не жилось? Зачем поголовно в дупла полезли?

Аолен долго молчал. Он не знал, как выразить словами те чувства, что пришли к нему из чужих, изуродованных душ, и могут быть до конца поняты только эльфом. Тоска по утраченной родине, безысходность одиночества и изоляции, отсутствие надежд и того, что современным языком называют «перспективами». Плюс обида, досада на тех, кто сломил свою гордость и остался приспособляться к новой, грубой и жестокой жизни, смешанная с неподобающей эльфам завистью, в которой нельзя признаться даже самому себе. Плюс обжигающе-горькие воспоминания о собственном великом прошлом и ненависть к тем, кто лишил их всего. Плюс растущее чувство отчуждения – они перестали любить друг друга, потому что каждый видел в своём соседе или родиче отражение себя самого...

Ушедшие хотели создать свой, лучший мир – возвышенный, полный добра и любви, мир без войн, горя и страдания, живущий природой и высоким искусством. Но не сумели. Получился скучный, замкнутый мирок, суетный, мелочный и бесцельный, лишённый всякого вдохновения. Но гордость не позволила Ушедшим признать ошибку и постараться что-то изменить...

А Судьба – она порой прощает ошибки одному существу, но никогда – целому народу. ОНИ ИЗМЕНИЛИСЬ САМИ. Они так долго твердили о собственной избранности, что поверили в неё – все до единого! Оннолэннон – вот высшая духовная ипостась, которую способен достигнуть эльф. Не каждый – избранный! Но ведь они все были избранными!..

...Ни одного свободного дерева не осталось на острове за пятьсот лет. Ни один эльф не сохранил своего тела. Полстолетия назад ушли последние.

Но не высокие чувства и мудрые мысли зрели в их душах – зачем, если их всё равно некому передать? Годами, столетиями взращивалась, холилась лелеялась и преумножалась НЕНАВИСТЬ. Она зрела, закипала, как вулкан. И вся её мощь, вся нерастраченная сила выплеснулась на головы случайных путешественников...

– Вот! – подвела итог речи эльфа Энка, назидательно погрозив пальцем неизвестно кому. – Вот почему я сбежала из Сильфхейма! Думаю, там, в конце концов, тоже все перебесятся.

– Если судить по тебе, то непременно! – не удержалась от колкости боевая подруга.

Аолен умолк и снова перебрался на корму. Горький рассказ утомил его почти физически. Хельги тоже сидел тихо, он думал о своём. О Замёрзшем Архипелаге, о потерянных островах Эмайн. Не впервой думал он об этом, но только теперь начинал понимать...

Льды не приходят в один день. Это не раскалённая лава, плещущая из жерла вулкана. Не оползень, не обвал или снежная лавина, не наводнение. Льды ползут медленно, милостиво дарят своим жертвам возможность уйти и спастись. Как ушли, ещё по теплу, не дожидаясь вечной зимы и голода, люди. Как отступили, осознав, что битва проиграна, спригганы.

А они остались – прекрасные Диниши, благородные тилвит тег, страшные слуа... Они сами избрали свою участь и обрели вечный приют в могильно-ледяных чертогах... Неужели целые народы согласны и жизнью, и сущностью своею заплатить за право оставаться *избранными*?...

Но излагать эти свои размышления на бумаге Хельги не стал, посчитав их недостаточно оформленными. Да и последнее событие было описано им очень скупо: пришли, нашли, заночевали, убежали. И заканчивалось это лаконичное повествование народной мудростью «не всё

то золото, что блестит», непонятно к чему, в данном контексте, относящейся. А потом, ещё через полчаса он сделал приписку на красивом мёртвом языке латен, и вовсе ни с чем не связанную: «Incredibile dictu» – «трудно поверить».

Июль. Десятый день после бури, второй после Острова.

Сегодня нам уже намного лучше. Кроме Аолена, он впал в депрессию. Эльфы слишком чувствительный народ, склонный к излишне бурным реакциям. И Остров тому пример.

К середине дня мне стало его (Аолена, а не Остров) совсем жалко, и я спросил, какого демона он так себя изводит, будто лично закинул соплеменников в дупла. Оказалось, он страдает потому, что не знает, как станет рассказывать другим эльфам о случившемся. Ведь все Оставшиеся верят, что Ушедшие нашли путь к лучшей жизни, их почитают как самых достойных из эльфийского рода, а главное, живы многие из их родных и близких. Как открыть страшную правду, что их братья и сёстры превратились в жестоких чудовищ?

Мне бы его проблемы! Насколько я знаю, иметь в роду оннолэннонов – необыкновенно почётно. Значит, родные и близкие будут только счастливы их судьбой. А вдаваться в детали совершенно не обязательно. Это будет даже не ложь, а невинное умолчание.

Но Аолен придерживается иного мнения. Он считает, что лучше горькая правда, нежели красивый вымысел. Ну, я не эльф, спорить, что для них лучше, что хуже, не буду. Хочет – пусть страдает, возможно, эльфам это на пользу.

Мы идём прежним курсом – строго на запад. Но теперь опять южнее, примерно на широте Конвелла. Меня удивляет, почему у людей так плохо развита способность ориентироваться в пространстве. Они совершенно не чувствуют направления, им нужны различные приметы и ориентиры. У фьордингов, например, выработана целая система – днём они идут по солнцу, ночью – по звёздам, используют разные приспособления, чтобы точнее выверять курс. Слава богам, что нам, нелюдям, все эти сложности ни к чему.

Последние несколько часов за бортом встречается много водорослей, преимущественно, ламинарий. Я ловлю их багром, изучаю мелкую беспозвоночную фауну, и очень доволен жизнью такой. Боюсь, нескоро мне вновь захочется на сушу.

И даже Энка перестала выказывать признаки нетерпения, сидит за чертежом и время от времени сообщает окружающим, как нравятся ей морские путешествия. Но думаю, такая идиллия ненадолго, и судьбу островных оннолэннонов нам ещё не раз припомнят. Кстати, я так и не понял, склоняется это слово, или нет? Спрошу у Аолена, когда повеселеет...

Последующие двенадцать дней плавания вышли ничем не примечательными. Всё было спокойно и однообразно. Ну, разве что, в один момент, драккар попал в струю сильного меридианального течения. Пришлось потрудиться, чтобы вырваться из его объятий.

Особенно нелегко было Хельги. Именно ему выпала задача убедить фаталиста Рагнара, что в этом происшествии нет перста Судьбы, и если не принять экстренных мер, течение увлечёт их в северные воды, загонит за Границы Жизни, туда, где вечные льды и морозы, где без специального снаряжения и подготовки добропорядочным существам делать абсолютно нечего.

– А вдруг там лежит древняя земля Гиперборея?! – упрямылся рыцарь, демонстрируя неизвестно откуда, и совершенно некстати прорезавшуюся образованность. – Есть же такая легенда?

Легенда такая и в самом деле была – многотысячелетней давности. Якобы, лежит на самом северном краю Мира земля, непаханая и не сеянная. И живут на ней великаны, исключительно дарами милостивой природы. И такое их, даров, изобилие, что и великанам хватает с лихвой, и ещё остаётся – для тех смельчаков, что рискнут в эту землю прийти, не убоившись плавучих льдин Океана.

Но климат за последние столетия так похолодал, что даже если та земля и существовала в действительности, теперь её покрывал многометровый слой льда, и рассчитывать на какие-либо «дары» было бессмысленно. Но Рагнар заартачился: идёмте в Гиперборею, и всё тут!

Хельги страдальчески взвыл.

– Да замёрзла она, Гиперборея твоя! Архипелаг – и тот льдом покрылся, не то, что приполярная земля! – и добавил проникновенно, – уж едой мы там точно не разживёмся!

Последний аргумент стал решающим. Именно он убедил рыцаря оставить сомнения и налечь на вёсла.

Еды действительно оставалось маловато – но тоже не катастрофически. Был неприкосновенный запас на обратный путь. Была рыба, её ловили небольшой сетью, ешь – не хочу! Хорошая, вкусная рыба сардина водилась в здешних водах. Но Рагнара, убеждённого мясоеда, вдруг неудержимо потянуло на свежие плоды и коренья! А где их взять, в Океане-то? Отсюда и его неожиданный интерес к легендам, и разочарование в них...

Потом полили дожди – скучные, затяжные. Драккар был мокрым и скользким, и палатка хлопала на ветру промокшими крыльями, и судовой просил есть ещё чаще, и у черпальщиков не переводилась работа...

Зато Улль-Бриан начинал с гордостью поглядывать на свои огрубевшие ладони и окрепшие плечи – ему, на положении наименее уважаемого члена коллектива, приходилось брать за ковш вдвое чаще, чем остальным. Впрочем, сказать, что им специально, осознанно помыкали, что его дразнили и унижали, тоже нельзя. Юному наследнику приходилось значительно легче, чем когда-то Эдуарду. Но не потому, что он был родственником Рагнара – это его не спасло бы от насмешек. Просто в данном случае, главная обидчица выступала в роли защитника. Уж так тронула сильфиду пасторальная любовь юноши, что она прониклась к нему чем-то вроде материнского чувства и в какой-то мере оберегала от невзгод. Благодаря ей, оверинский герцог ни с кем не конфликтовал – но ни с кем и не сближался, даже с кузеном. Он вёл себя скромно и тихо, но на самом деле, в глубине души, был очень горд, и не считал своих спутников подходящей компанией, не смотря на наличие в ней двух принцев и грозного демона.

А причина тайной его гордости крылась в том, что юный Улль мнил себя не простым смертным, а ПОЭТОМ в самом высоком смысле этого слова – из числа тех, кого коснулась десница богов, кто рождён для великой цели творить высокое искусство, «отделять живое от мёртвого». И неважно, что ценителей его поэтического дара насчитывалось пока совсем немного: отец с матерью, жена-пастушка да несколько придворных – по долгу службы. Настоящий поэт и не должен быть понят при жизни – так считал Улль. Настоящий поэт должен опережать время, творить для потомков. А в земной своей жизни обязан непременно пройти через страдания и испытание одиночеством, чтобы в них черпать своё вдохновение.

В общем, юный герцог видел себя фигурой трагической, и компания грубых воинов была ему абсолютно чужда. Правда, имелся в этой компании эльф, и он тоже занимался стихосложением. Но Улль-Бриан почему-то сразу решил для себя, что особым талантом Аолен не обладает и сочиняет свои песни лишь в качестве развлечения, скрашивающего досуг.

На самом деле, он недооценивал своих спутников. Творения Аолена ценились достаточно высоко в эльфийских поэтических кругах, да и остальным членам коллектива не было чуждо

прекрасное. Разбиралась в искусствах Энка, Меридит при желании, могла бы стать неплохим литературным критиком. И даже Хельги, хоть и не по своей воле, но однажды тоже сложил песнь философского содержания про – Абсолютную идею и верблюжьки копыта. Не говоря уже о поэтическом альбоме Ильзы, который она со всей страстью коллекционера подсовывала, кому только можно, даже Оттонской королеве. (Правда, упомянутая дама не была обучена грамоте, но знала премиленькие песенки о любви и овечках, каковые и были воспроизведены на бумаге рукой её сына.)

Разумеется, и молодого РОверина не миновала чаша сия. Через месяц плавания девушка решила, что они уже достаточно хорошо познакомились с Уллем, чтобы потребовать с него поэтическую дань, и подсунула ему своё украшенное розой сокровище.

– Вот! Напиши-ка мне сюда стих! Лучше про любовь, но можно и другой какой-нибудь. Главное, чтобы все слова были приличные, я грубостей не люблю!

Последнее замечание она стала делать с тех пор, как доверила альбом Рагнару. Рыцарь отработал задание честно – долго, старательно вспоминал «про любовь», и, наконец, вспомнил отрывок из старой солдатской песни. Речь в нём действительно шла о любви, но сюжет был весьма фривольным, а отдельные слова не выдерживали никакой критики. Пришлось густо зачёркивать их чернилами – из-за этого пропала рифма. Ильза даже страницу хотела вырвать, да только на обороте была запись, сделанная Офелией Сакс в день свадьбы, и девушка не решилась ею пожертвовать, оставила всё, как есть. Но с тех пор дело на самотёк не пускала, бдительно следила за своими корреспондентами...

Уль-Бриан машинально принял из рук девушки чудовищную малиновую книгу, бегло пролистал. Боги Великие, каких только глупостей и пошлостей в ней не было! Он замер, не зная, как поступить. В голове вертелась отчаянная мысль – не кощунственно ли осквернять собственные великие творения подобным соседством?! Ильза интерпретировала его замешательство по-своему.

– Что? Неужели ни одного стиха не знаешь?! Ну, пусть не про любовь, пусть про что-нибудь ещё, лишь бы складно!

– Хорошо, – поэт обречённо взялся за перо.

Любовь для смертных —
Счастье ли, проклятье?
И кто ответит, быть или не быть...
Но у Людей есть вечное занятие —
Им нелюдь, как детей
Из Мрака выводить... —

прочла Ильза с запинкой. Вежливо поблагодарила, стараясь скрыть изумление, а сама побежала к Меридит, спросить, что бы это могло значить.

– Вот! Уль-Бриан мне написал! Я что-то ничего не поняла: разве это про любовь?

Диса сперва долго смеялась, а потом пояснила, что это *неосимволизм*, и понимает его всяк по-своему. А лучше вовсе не пытаться ничего понимать, просто принять глубокомысленный вид и сказать: «Ах, как креативно!» Тогда все увидят, что ты – культурная девушка, умеющая ценить искусство.

После такого объяснения Ильза совсем растерялась.

– Странный стих, – жаловалась она Хельги. – Его совсем не нужно понимать! Зачем такие пишут?!

– Чтобы казаться умнее, чем ты есть на самом деле. Другие понять не могут, и думают: «Ах, какой мудрый сочинитель!» А что он и сам ничего не понимает, просто зарифмовал набор случайных фраз, и только – об этом ведь никто не догадывается!

– Чему вы её учите! – зашипела Энка сердито. – Нельзя быть такими косными! Современное искусство тоже имеет право на существование!

– Разве мы возражаем? – невинно моргнул демон-убийца. И хихикнул.

А Ильза осталась довольна. Ей стало казаться, что она постигла суть поэзии: не важно, есть ли смысл, лишь бы была рифма...

Примерно со второй недели августа начались сложности. Острова, островки, скалы и рифы тянулись бесконечной чередой. Ни Хельги, ни Энка, ни Рагнар – самый бывалый мореход из всей компании, никогда прежде не встречали подобных скоплений надводных и подводных препятствий. Продвигаться вперёд приходилось медленно и крайне осторожно – Макс, наверное, использовал бы сравнение ходьбой по минному полю, но в их мире подобной гадости пока не имелось.

Высаживаться на острова, и особенно оставаться там на ночь, Ильза первое время боялась. После страшной встречи с Ушедшими у девушки появилось что-то вроде фобии. Но постепенно она пересилила страх – не оставаться же ей было одной на драккаре, в то время как остальные, включая даже судового, гуляют на бережку! После пятнадцатого острова она успокоилась совершенно, и даже радовалась, если Хельги, несущий бессменную ночную вахту, объявлял: «Тут я один не справлюсь, будем ночевать на берегу».

Большинство из встреченных островов были очень малы и совершенно необитаемы – просто голые скалы, облепленные морской живностью лишь до уровня прилива. На некоторых шумными колониями гнездились птицы. На одном путешественники заметили лежбище морских котиков. Уль-Бриан, не зная, с кем имеет дело, заикнулся было об охоте. В ответ Хельги зашипел по-сприггански: «И думать забудь!», и для усиления эффекта так сверкнул злым красным глазом, что юноша с испуга не только охоту – имя своё едва не позабыл! А демон-убийца, на пару с Ильзой, ещё долго умились, свесившись с борта: «Ах, какие хорошие, какие славные зверьки!» Но на суше ни одно разумное существо, за неделю плавания среди островов, путешественникам так и не попало на глаза.

Иное дело – в море! Там обретались русалки. В отличие от своих староземских соплеменниц, изящных и белокурых красавиц, здешние были дамами дородными, единой масти не имели – попадались среди них и платиновые блондинки, и жгучие брюнетки, а то и вовсе зеленоволосые. Характер же у них был, судя по поведению, весьма темпераментный.

– Тьфу, бесстыжие! – плевался Рагнар, с осуждением поглядывая за борт – там резвились, плескались морские девы: принимали вольные позы, по пояс высывались из воды, кувыркалились, били хвостами, стараясь поднять как можно больше брызг, и нарочито громко хихикали.

На самом деле славный рыцарь вовсе не был аскетом, его даже порадовала бы встреча с русалкой один на один, или в чисто мужской компании. Но присутствие боевых подруг его стесняло. А бедный эльф – тот и вовсе спрятался, забился чуть не к судовому под палубу, и носа наружу не показывал. Сам же судовой сидел, свесив ножки, на мачте, без малейшего смущения любовался обнажённой натурой и даже с ней, с натурой этой, перемигивался.

Меридит, из интереса, попробовала с русалками заговорить, но общего языка, в буквальном смысле слова, не нашла, хоть и перебрала все известные наречия Староземья и окрестностей – десяток современных и несколько мёртвых.

Тем большим было её удивление, когда первое же разумное существо, встреченное на суше, заговорило на общем староземском!..

Август, 37 день после бури.

Сегодня мы высадились на очередной остров, чтобы погулять и собрать чего-нибудь съестного. Рагнару всё кажется, будто у нас мало еды. В который раз убеждаюсь, до чего прожорливый народ люди! Вот мы, спригганы, к примеру, тоже любим хорошо поесть, что греха таить. Но и отсутствие пищи как трагедию не воспринимаем. А Рагнар если не поел вовремя, так ему и свет не мил, и все мысли только про охоту! Хорошему воину такая зависимость от еды ни к чему!.. По-моему, я об этом однажды уже писал. Или нет?

Так вот, высадились мы на остров, по здешним меркам, очень большой – понадобилось бы не меньше суток, чтобы обойти его кругом.

Часа два мы бродили по берегу, вдоль полосы прибоя, просто потому, что лень было карабкаться вверх – берега здесь обрывистые, высокие, вдобавок, заросшие колючкой. Потом нам захотелось купаться, и купались мы, пока совсем не посинели. Ильза с Эдуардом бесились, старались меня утопить. Понятно, у них ничего не вышло. Тогда им на помощь пришла Энка, и втроём они со мной справились. Хотели и к Меридит подобраться, но она грозно сказала: «Только попробуйте!» Дисы не любят нырять, они народ сухопутный, на том стоят. Пришлось ограничиться Рагнаром – и ведь справились, вот что удивительно! Правда, я им тоже немного помог. Потом Аолен, не по-эльфийски коварно, перетопил нас всех по очереди. Не тронул только Орвуда – с ним никто не рискует связываться, да и купается он своеобразно: стоит по колено в воде и изредка приседает. Под конец мы сплочённым коллективом гонялись за Аоленом, но он всякий раз уворачивался, и мы топили друг друга... В общем, все мы порядком нахлебались, и Меридит тоже. Сердиться она не стала, потому что было весело.

После купания захотелось развести костёр, погреться. Топляка у берега не было, пришлось лезть вверх за дровами. Там, наверху, росли невысокие деревья совершенно неизвестной породы, я даже затрудняюсь, следует отнести их к хвойным или лиственным. Конечно, мне стало уже не до дров, я занялся образцами и зарисовками.

Да и остальные, пока лезли, успели согреться и решили исследовать остров. Ильзу такая идея не обрадовала. Вид у неё сделался совсем испуганным и несчастным. Она успокоилась, только когда я клятвенно заверил её, что деревья совершенно не изменённые и одичавшие эльфы в них не гнездятся. Теперь-то я точно знаю, как выглядят оннолэннон в Астрале, и ни за что не ошибусь, хотя демон из меня не самый лучший (и это я себе ещё льщу!).

На этом острове магии было вообще очень мало, только в самом центре копошилось что-то красноватое. Туда мы и пошли, из любопытства. И хорошо сделали, иначе не встретили бы Отшельника. Уж не знаю, почему он не пожелал открыть нам своё настоящее имя? Обычно людям не свойственно таить свои имена, они ведь не судовые какие-нибудь! А этот сразу сказал: «Зовите меня просто Отшельник»...

* * *

...Хотя отшельничал он не по своей воле.

Он был ещё очень молод, когда жрецы Великого Умрана принесли его в жертву своему богу. Вывезли в открытое море, посадили в уютную лодчонку без еды и питья, и бросили на верную гибель.

И ни отец, важный зангарский сановник, ни мать, жрица могучей Эрды, не вступились за младшего сына, не пожелали выкупить его жизнь – смирились с жестоким жребием. Этому он им не простил. Он забыл и их имена, и то имя, что они дали ему при рождении. У него не было больше родителей. Он остался один во всём свете, посреди бесконечного Океана, обречённый на долгую и мучительную смерть от голода и жажды.

Но он был молод и хотел жить. Тогда он стал молиться. Но не тем богам, что почитали его соплеменники, не Великому Умрану, не могучей Эрде. Молитву за молитвой возносил он их заклятому врагу, морскому демону Ро-Зогару. Взывал, заклинал, умолял истово – и был услышан!

Проявил демон милосердие, или ему просто показалось забавным перехватить жертву у своего главного соперника – но дни шли за днями, несчастному пленку Океана давно полагалось бы умереть, а он оставался жив! Самые грозные волны щадили его судёнышко, швыряли из стороны в сторону, но не пускали ко дну. Дожди, холодные и злые, давали пресную воду. Рыба сама запрыгивала в лодку – отвратительная, сырая, надоевшая до рвоты, но такая необходимая еда...

Такова была милость злого бога. Он выжил, благодаря ей. И настал день, когда самое страшное испытание закончилось.

А он даже не сразу заметил своё счастье, он был почти без сознания от холода, тоски и дурной пищи. Прошли часы, прежде чем несчастный обнаружил, что лодка его больше никуда не плывёт, и нос её давно и прочно увяз в прибрежном песке...

На берегу выяснилось, что он разучился ходить. Ноги отказывались служить, и он полз, полз на животе, он рвал зубами колючую траву, жевал её, захлёбываясь зелёным горьким соком, и казалось – в жизни не ел ничего прекраснее. Он выл как зверь, и сам не понимал, от счастья, от боли ли...

Первое время он и жил зверем, разум его спал, измученный страданиями. Но богу не нужен был безумный слуга. Бог не позволил угаснуть последним искрам его разума. Постепенно изгнанник пришёл в себя. Но человек не может долго жить один, оставаясь человеком – такова его природа. И демону пришлось наделить простого смертного тем, на что не способен тот по природе своей: слышать и понимать язык духов, видеть былое и грядущее, чувствовать близость своего бога и забывать об одиночестве, знать самое главное – собственное *предназначение*...

Так и жил человек, год за годом, век за веком, и имя себе придумал – Отшельник, будто не по чужой злой, а по собственной доброй воле посвятил жизнь служению Богу своему...

И было всё как всегда, медленно и неизменно. Сама жизнь проходила стороной – не дозовёшься, не докричишься... Где-то там, за горизонтом, гремели войны, приходили и уходили народы, рождались и умирали поколения – а здесь было всё как всегда... Но он знал – срок его придёт. И ждал – терпеливо, спокойно. И готовился – целеустремлённо, не щадя сил.

И срок настал.

* * *

... Это был бородатый дядька, очень здоровый – ростом и телосложением примерно с Рагнара, человеческого рода и неопределённого возраста. Мне показалось, что ему лет сорок с небольшим, но Аолен сказал, что по крайней мере в десять раз больше. Спорить не буду, он лекарь, ему виднее.

Нашли мы его в лесу. Хотя не уверен, можно ли назвать здешний ландшафт «лесом», очень уж редко растут деревья. А для «рощи» слишком велика территория... Но не суть.

Сперва он показался нам совсем диким, потому что одежда его была сделана из подручных материалов и с теперешней модой не имела ничего общего. Но речь оказалась более ли менее современной – точнее я сказать не могу. После годичного пребывания в Средневековье, мы стали путаться в разговорных стилях. Сами иной раз такое загниём, что окружающие удивляются. Я, например, слышал, как Ильза требовала у лавочника продать ей «талку копины» (моток шёлка), и ещё сердилась, почему он её не понимает.

С нами Отшельник обошёлся приветливо, угостил плодами, не сказать, что особенно вкусными, но после долгого плавания, вполне съедобными. Рагнар был очень доволен. Но мне вот что не понравилось: Отшельник сказал, будто давно нас ждёт и специально вышел навстречу. То есть, он знал о нашем прибытии ЗАРАНЕЕ! Но едва я успел подумать, уж не угодили ли мы снова в какое-нибудь идиотское пророчество, как он поспешил добавить, что дело тут не в пророчествах, просто он способен предвидеть будущее. Похоже, он ещё и мысли умеет читать!

А вообще, дядька он неплохой. Служит морскому демону Розогару (не знаю такого), но того оголтелого фанатизма и дурацкой напыщенности, что обычно свойственны жрецам, в нём нет. Разговаривал с нами, как с равными. Поведал жуткую историю о том, как в молодости был принесён в жертву богам: его посадили в лодку и бросили в открытом Океане! Бывают же на свете такие гнусные боги! К счастью, его спас демон Розогар, привёл на этот остров. С тех пор отшельник тут и живёт, совершенно один. В общем, не позавидуешь! Удивительно, как он до сих пор не спятил от одиночества? Лично я на его месте давным-давно рехнулся бы, не говоря уже о некоторых из рода сильфов.

Орвуд спросил Отшельника, сколько тому лет и давно ли он на острове. Тот ответил, что попал сюда ещё в те времена, когда люди на Закатных островах поклонялись Умрану и Эрде. Конечно, нам следовало бы уточнить, когда именно это было, потому что о таких богах мы даже не слышали. Но никому не захотелось показаться необразованным. Мы сделали вид, будто всё поняли, а в результате так ничего и не узнали! Теперь меня мучает любопытство, и я ругаю себя последними словами... Что ж, пусть это послужит мне уроком. В другой раз не стану выпендриваться, когда не надо.

Мы думали, что Отшельник сразу захочет уплыть вместе с нами. Но он сказал, что пока не готов покинуть остров, время ещё не пришло. Попросил забрать его, когда соберёмся в обратный путь. Я даже испугался: мало ли что приключится с нами в Океан? Можем погибнуть, можем просто не найти этого места. И тогда он останется на своём острове до скончания времён. По-моему, не следует так рисковать и испытывать судьбу! Но Отшельник ответил: «Да, вас ждут впереди многие опасности, но я точно знаю, что тем или иным способом, но выберусь с острова ещё до зимы».

Ну, это его дело, пусть поступает, как знает... А всё-таки, я не очень люблю предсказателей и провидцев. Есть в их способностях нечто противоестественное!

Ночевали мы на берегу. Отшельник приглашал нас в свой шалаш, но мы побоялись оставить драккар без присмотра. Тогда он пошёл нас проводить, и мы с ним всю ночь проболтали у костра. Бедный человек столько лет провёл в изоляции, не удивительно, что ему нужно было выговориться!

Рано на рассвете (Аолен называет это время суток «утром» – вот псих!) мы вышли в путь. На прощание Отшельник подарил нам окатанный камень-сердолик с двумя отверстиями по краям. Сказал, что это очень хороший амулет, способный отводить бури. Вещь и в самом деле мощная, я смотрел через Астрал – магией так и разит! Ильза быстренько прибрала его и повесила на шею для украшения. Всё-таки странные и непостижимые существа – женщины! Они почему-то искренне верят: чем больше всякой ерунды на них навешано, тем привлекательнее

они выглядят! Взять ту же Ильзу. Она от природы, без всяких дополнений, очень красивая девушка. Но разве её убедишь? Тем более что Энка сразу вопит: «Чего бы ты понимал! Нечего лезть в дамские дела!» и тому подобное...

Хотя, амулет, на самом деле, не ерунда, а очень полезная штука. Отшельник сделал нам действительно ценный подарок. Я привязал к дереву на его острове правое ухо, надеюсь, это поможет нам вернуться.

Ну вот, всё что было вчера, я изложил. Теперь с чистой совестью пойду спать. Последнее время я веду ночной образ жизни, чем несказанно доволен. Кажется, никогда прежде я так хорошо не выспался! Очень тяжело жить в окружении существ, чьи биоритмы находятся в противофазе с твоими собственными!..

Август, 39 день после бури, третий после встречи с Отшельником.

Наконец-то скопление островов осталось позади. Плыть стало намного легче. Нет нужды постоянно остерегаться мелей и рифов.

С другой стороны, я чувствую некоторое разочарование. Мне казалось, такой огромный архипелаг должен служить преддверием целого континента. Но увы! Вокруг нас опять только Океан, на все четыре стороны горизонта.

В голову лезут неприятные мысли. Многие острова морфологически были очень похожи на горные вершины, торчащие из воды. Вдруг это правда?! Вдруг континент, который мы ищем, затонул, и острова – это всё, что от него осталось? И впереди нас не ждёт ничего, кроме охвостья Инферна?! Вот будет обидно!.. Впрочем, надо надеяться на лучшее. Земля большая. Кто сказал, что на этой широте не могут располагаться сразу несколько материков?

И всё-таки напрасно мы поспешили и не исследовали архипелаг повнимательнее! О чём я, собственно, думал, осёл сехальский?!

Рискнул, попытался уговорить наших вернуться, пока недалеко ушли. Зря старался.

Во-первых – и тут Меридит права – обратно пришлось бы идти против ветра, на вёслах. Вряд ли мы справились бы. У Грома шесть румов, он рассчитан на двадцать четыре гребца, а не на восемь... Саги говорят, что фьординг Гундер Гребец мог целый день в одиночку работать парой вёсел. Да только нам до того Гундера как до императора Сехальского. Может, час-другой и продержались бы, но не больше.

Во-вторых, стоило мне о том заикнуться, как Рагнар и Энка принялись вопить, что возвращаться – плохая примета. Уж на что суеверный народ воины, мореходы ещё хуже!

Хотя, не мне их судить. Это я в Университете такой весь из себя образованный и прогрессивный. А, к примеру, в разведке – ну ни за что не пойду по тропе, если её перебежит заяц, стану другую искать! И ведь знаю, знаю что глупости! Нарочно в Астрале смотрел – нет в зайцах никакой магии, совершенно нейтральные зверьки! А всё равно, боязно. Думается: «А вдруг? ...»

Жаль, нет надёжного способа отличать предрассудки от предзнаменований. В мире Макса всё проще. Там магии нет – одни суеверия. И дурные приметы если и сбываются, то по причинам чисто психологическим. А у нас всё так запутано – просто беда!

Август, 43 день после бури...

Или 44? Я запутался, потому что уже ночь. И вообще, после того кошмара, что с нами приключился, разумом ослабеть немудрено. Хотя, когда начинаешь вспоминать – до того смешно! Особенно когда Рагнар... нет, буду излагать по порядку.

Виной всему стала, опять же, неуёмная прожорливость наших престолонаследников. Оказывается, они вчера – я это событие благополучно проспал – видели за бортом совершенно выдающуюся рыбу. На вид – самый обычный окунь, но размером, якобы, с дельфина. Естественно, в принцах тут же разыграл охотничий дух, и им приболело непременно ту рыбку изловить. Одна беда, наша сеть для такого гиганта маловата – не поместится. И решили они тогда её удить, и удил весь день, и всё без толку. А сегодня поутру догадались: наживка не та! Заменяли салаку самой крупной сардиной из тех, что имелась в запасе у Ильзы. Не представляю, как она согласилась пожертвовать таким добром?! Наверное, тоже польстилась на огромного окуня. В результате, остались мы и без окуня, и без сардины... но я опять забегая вперёд.

Насадил они сардину на огромный акулий крюк (это Рагнар запасся в Оттоне всевозможной рыболовной снастью), забросили в море, и стали ждать богатую добычу. Час ждут, другой ждут...

А я ждать не стал, пошёл спать. И проснулся уже под вечер, от радостных воплей – у принцев клевало! Но очень скоро вопли перестали быть радостными. У меня до сих пор стоит перед глазами незабываемая картина: наши рыболовы тянут, тянут своего «окуня», а он всё не кончается и не кончается!

А потом кто-то длинный, огромный, вынырнул из воды, так и хочется сказать, «по пояс», навис над драккаром, и прямо над нашими головами разверзлась кошмарная зловонная пасть, оснащённая тремя рядами острых и круглых, как заточенные кольца, зубов! А из её розовых недр вывалился ужасный, шага полтора в длину, синюшный, пупырчатый, раздвоенный язык. С него стекала, капала на палубу вязкая жёлтая слюна. И в левом его кончике торчал, пробив насквозь живую плоть, наш рыболовный крюк!

За свою долгую и многотрудную жизнь я успел пережить великое множество всякой гадости, и со всей ответственностью могу утверждать – зрелище было непревзойдённо тошнотворным!

Это сейчас мне смешно вспоминать, а в тот момент казалось, что всем нам, вместе с драккаром, пришёл конец! Водяная тварь извивалась, била хвостом, вздымая огромные волны, нас швыряло из стороны в сторону, невозможно было удержаться на ногах. Я хотел усмирить чудовище с помощью магии – куда там! Не было и десяти секунд, чтобы успеть разложить камни. Тогда я схватил его в Астрале, как прежде хватал сехальских драконов, и стал отгаскивать подальше, чтобы он не рухнул на нас всей тушей. Это была непростительная глупость с моей стороны! Потому что рыболовный трос оказался, для страховки, привязанным к носовой фигуре Фернира!

А дальше – полный восторг! Я тяну чудовище, чудовище тянет драккар, нос задирается кверху, мы скатываемся под корму, и нет никакой возможности

перерезать демонов трос! Рагнар пытается по рукам, как по лестнице, вскарабкаться наверх, подобраться к Ферниру, но мешает носовая палуба. Я, как полный идиот, никак не догадаюсь разжать пальцы, чудовище истерично визжит, все орут – не соскучишься!

Думаю, мы непременно потонули бы, если бы Меридит в какой-то момент не разобрала, что добыча наша голосит не бессмысленно, а на красивом мёртвом языке латен! Кто бы мог подумать, что морские змеи наделены разумом?!

Мой разум к тому времени тоже слегка прорезался, и я сообразил расположить змея таким образом, чтобы драккар вернулся в горизонтальное положение. Но чудовище продолжало завывать, и нелегко было моей сестре по оружию до него докричаться! К счастью, дисы – не тот народ, что привык отступать перед трудностями. Меридит удалось-таки столкнуться с горемычным змеем! Я плохо знаю латен, что именно она ему сказала, передать не могу, но тот немного поутих и перестал метаться. Я рискнул выпустить его из рук – он остался более ли менее спокоен.

А дальше от нас требовалось подойти к змеиному языку и вытащить крюк!

Тут дело ненадолго застопорилось. Мы никак не могли решить, кто именно должен произвести сию ответственную процедуру. Аолен кивал на меня, как на натуралиста, я – на Аолена, как на лекаря. Согласитесь, если существо обладает разумом, ему нужен именно лекарь, а не натуралист!

В итоге, крюк вынимал Рагнар, как главный рыболов. При этом змей продолжал орать на латен, видимо, его голосовой аппарат был устроен таким образом, что функционировал без участия языка. Слов было сказано много, но я не уловил ни одного знакомого. Позже Меридит объяснила, что змей непристойно ругался.

Что ж, я не стану его за это осуждать. Помню, как-то в детстве, мне было тогда лет пять-шесть, стрела пробила мне насквозь левое плечо, спереди вошла, сзади вышла. Так вот, я тогда тоже не молчал. За это подменный папаша треснул меня по губам и заявил, что есть слова, которые дозволено произносить только взрослым. И где тут, скажите на милость, логика? Ведь я именно потому и произносил эти слова, что по малолетству не понимал их значения! Нужно быть совершенно разнузданным и безнравственным типом, чтобы говорить такие гадости осмысленно, во взрослом состоянии.

И всё же, мне тогда пришлось много легче, чем змею теперь. Завершив воспитательный процесс, подменный папаша соизволил-таки расстараться, переломил древко и вытащил из меня стрелу. Но железный крюк – не стрела, голыми руками не переломишь! Страшно представить, что пришлось вытерпеть бедной твари, пока Рагнар его выковыривал!

Мне подумалось, что он, змей, вряд ли станет испытывать к нам благодарность, и я подстраховался. Как только язык оказался на свободе, снова схватил его (змея, а не язык) за хвост и оттащил как можно дальше от драккара.

Видимо, народная молва несколько преувеличивает свирепость и кровожадность морских изменённых рептилий. Окажись на месте нашего змея, к примеру, Энка – она непременно постаралась бы догнать обидчиков, и если не сожрать, то потопить. Да и за нас с Меридит поручиться не могу, всё-таки язык – очень чувствительный орган, поневоле задумаешься о мести! К

счастью, змей оказался тварью более миролюбивой, преследовать нас не стал, оставил в покое.

Вот так бесславно закончилась рыбалка коронованных особ: ни наживки, ни добычи, драккар, полный воды, и палуба, в кисель заплёванная морским змеем.

Хуже всего было то, что слюна оказалась ядовитой. Несколько часов мы отмывали от неё драккар – лили ковшами морскую воду, сгребали слизь с палубы вниз, оттуда вычёрпывали за борт, и к концу процедуры с ног до головы покрылись пятнами и волдырями, зудящими немилосердно! Больше всех пострадали Аолен и Энка, у них даже начался жар. А Ильзу огорчало не столько состояние здоровья, сколько ущерб, нанесённый её внешности. Она почему-то вообразила, что теперь навсегда останется пятнистой, и принялась плакать. Насилу успокоили!

Если яд змея так оказывает столь вредное воздействие на кожные покровы, интересно, что было бы, попади он в кровь или в желудок? Жаль, не на ком испытать. Разве что на судовом? Эх, ну почему умные мысли так часто приходят в голову с опозданием?! Надо было набрать побольше яду во флягу и отравить наши стрелы! А мы всё выскоблили дочи́ста, остался только маленький флакончик с образцом, даже на одну стрелу не хватит! Впору нового змея ловить!

Кстати, старого надо зарисовать и сделать описание, пока помню...

Сделал. Единственная проблема – не смог точно указать длину, он всё время извивался и дёргался. Думаю, было в нём шагов пятьдесят, не меньше! Современной науке известно несколько видов морских изменённых рептилий, но до сих пор все они считались тварями неразумными. Значит, либо наш является новым видом, либо нам стали известны дотолё неведомые подробности из жизни морских змеев. В любом случае, это важное научное открытие. Очень, очень отраднo! Ради такого случая я согласен и почесаться!

Август, 45 ночь после бури.

Раз я пишу по ночам, так и буду называть вещи своими именами, чтобы не путаться.

Яд змея оказался несильным. Все пятна с нас сошли, остались только расчёсы. Ильза счастлива!

Днём мой дневник взяла почитать Меридит. Сказала, что он напоминает ей мемуары старого маразматика, который прыгает с одной темы на другую, потому что уже не в состоянии сосредоточиться на какой-нибудь одной мысли. Надо будет учесть её замечание. Меридит разбирается в художественном слове.

А мне в голову вдруг пришла жуткая мысль! Будто сложились в единое целое фрагменты головоломки: Ведьма из Чернолесья, Закатные острова, племена Дану, Рагнар с его богатырской комплекцией, Отшельник и его загадочные боги...

Похоже, наш лекарь Аолен здорово просчитался – не четыреста лет Отшельнику, и даже не четыре тысячи! Во времена Великого Раздела, когда наше Староземье, то есть страшный Инферн, был отделён магическим потоком от беззащитного Аваллона, то есть, Инферна в современном его понимании...

тьфу! Насчёт маразма – это Меридит верно подметила! Бедные мои читатели, имей таковые место быть!

Короче, в те стародавние времена люди на Закатных островах поклонялись богине Дану. Значит, Умран и его дама были ЕЩЁ РАНЬШЕ, в совсем уж незапамятной древности!.. Ох, что-то мне страшновато становится! В какую историю мы опять угодили?!

Точно такой вопрос, выслушав соображения брата по оружию, задала и Меридит:

– Хотелось бы мне знать, в какую историю мы опять угодили?!

Увы – ответа ждать было не от кого.

– Сколько же лет может быть отшельнику?! – гадала сильфида вслух. – Пять тысяч? Десять?

– Человек разумный, как биологический вид, существует около сорока тысячелетий, – сообщил Хельги неуверенно.

– Ни один смертный не может прожить так долго! – сердито возразил Рагнар, – тем более, человек!

– А я ничего не утверждаю! – поспешил оправдаться магистр Ингрэм. – Я только назвал цифру, чтобы была хоть какая-то точка отсчёта.

– Делать вам больше нечего, кроме как чужие годы считать! – разворчался гном без видимой причины.

Делать им, и вправду, было нечего. Драккар легко скользил по волнам, подставляя полосатый парус попутному ветру, солнце светило ещё по-летнему жарко, и мореплаватели, растянувшись на свежесмытой палубе, нежились под его лучами. Времени для отвлечённых бесед было хоть отбавляй.

– Для своих лет Отшельник неплохо сохранился, – заметила Энка, как показалось Эдуарду, не без зависти. – Ведьма из Чернолесья с ним ни в какое сравнение не идёт!

– Всё потому, что ведьма живёт собственными силами, а отшельник служит своему демону, – важно растолковал принц.

А Ильза тут же узрела в его словах собственную выгоду.

– О! Если у демонов даже слуги живут так долго, а мы с Хельги близкие друзья, значит, и у нас есть шанс пожить на этом свете как следует!

Но Энка, скептически ухмыльнувшись, посоветовала:

– Не обольщайся. Хельги – демон никуда не годный. Мы и в его-то бессмертии не уверены, о своём нам тем более рано задумываться.

Ильза печально вздохнула. Она так любила Хельги, так хотела, чтобы он был лучшим во всём! Но даже она не могла не признать правоту слов сильфиды!..

...Пятидесятое после бури утро оказалось очень странным – оно никак не желало заканчиваться. В воздухе повисла непроглядная пелена тумана – с носа драккара невозможно было разглядеть, что делается на корме. Всё тонуло в унылой серой мгле. Наверное, где-то там, высоко, стоял ясный день: изредка, в маленькие просветы старалось заглянуть солнце – блёклое пятно идеально правильной круглой формы проявлялось на мгновение, но тут же снова таяло. Ветер совсем стих, парус пообвис, но братья за вёсла не было смысла. Плыть приходилось очень медленно и осторожно – мало ли какая напасть могла подстергать неосторожных мореходов там, в тумане?

Воздух был таким сырым, что у Орвуда отволгла борода, и как всегда в подобных случаях, резко испортилось настроение. Он сделался ворчливым и раздражительным, из-за какой-то малости сцепился с судовым, и они разругались не на шутку. Со стороны было очень забавно наблюдать, как здоровенный гном яростно скандалит с существом размером чуть больше кошки.

– Вы ещё подеритесь, горячие лоттские парни! – подначивала Энка, хихикая.

– А при чём тут Лотт?! – удивилась Ильза. – Они там даже не были никогда!

– К слову пришлось. Анекдот такой есть, – пояснила сильфида, и поведала широко известную в Староземьи историю о том, как два лоттских мужика спорили, боггарт пробежал мимо, или брауни.

– Ну и не смешно! – рявкнул Орвуд в сердцах.

И Ильза была с ним согласна. Будучи девушкой справедливой, она готова была признать, что земляки её никогда не отличались проворством и расторопностью. Но в рассказе сильфиды они выглядели совсем уж малахольными.

– Не обижайся, это была *гипербола*! – подтолкнула её в бок боевая подруга.

Ильза понимающе кивнула и перестала дуться – это красивое учёное слово было ей уже знакомо.

...Утро постепенно перешло в сумерки, день так и не наступил. Настоящей ночи тоже не было – только туман. Хельги промучился час-другой, напряжённо вглядываясь в белёсую мглу, потом плюнул и сбросил якорь. Двигаться вперёд было невозможно.

Поутру обнаружив, что драккар всю ночь стоял на одном месте и так и не выбрался на чистый воздух, Орвуд разворчался: зачем Хельги побоялся плыть, здесь открытое море, нет никаких препятствий, сейчас были бы уже далеко... Но будто в ответ на его слова, перед самым носом Грома вдруг выросло, надвинулось из тумана нечто чёрное, громадное, чужое... Только благодаря опыту Рагнара, в последнюю минуту удалось свернуть и избежать страшного столкновения.

Осторожно, правым бортом, приблизились к препятствию вплотную. Рагнар протянул руку – под пальцами оказалась шероховатая, будто изъеденная, скользкая от водорослей, холодная поверхность. Рыцарь треснул по ней тяжёлым кулаком – раздался гулкий металлический звук.

– Железо! – удивился исследователь. – Что бы это могло быть?! Железное, в море...

– Корабль, – откликнулся Хельги, и голос его звучал как-то странно. Впрочем, здесь, в тумане, все звуки казались странными и неприятными, будто искажёнными. Они немилосердно резали ухо, и мореплаватели уже давно невольно перешли на полушёпот.

Рагнар воззрился на демона с изумлением.

– Ты что, дурак?! Кто же станет стоять корабля из железа?! Они же плавать не смогут, потонут сразу!

Но у Хельги ответ был наготове.

– В мире Макса – строят!

– Ну, мы-то пока, слава богам, в своём собственном мире!

– Ты УВЕРЕН? – теперь голос демона был ещё более странным, стало очевидно – это не акустический эффект.

– Ты о чём? – встревожился Аолен, – что ты хочешь этим сказать?!

– Пока ничего. Просто у меня в голове завелись смутные, неоформленные подозрения...

А Орвуд в это время думал о своём, а именно, о бороде, как бы её хоть немного просушить. Из всего предыдущего диалога ухо его вычленило только одну фразу, касающуюся самого насущного. Бедный гном так и подскочил:

– Что?! Завелись?! Опять?! Этого ещё не хватало! Где ты только успеваешь их подцепить?! Знаешь что я тебе скажу? Держись от меня подальше! Не приближайся! И в палатку больше спать не ходи, хватит с тебя и палубы!

– П...почему?! – опешил демон-убийца.

– Потому что у меня от скипидара делается сенная лихорадка! Вам, голомордым, полбеды, если заведутся, а у меня – борода! – будто в доказательство своих слов, разбушевав-

пийся гном схватил конец своего главного украшения и сунул прямо в лицо Меридит, стоявшей ближе всех.

Диса отпрянула. Друзья недоумённо переглядывались.

– Какой ещё скипидар? – пискнула Ильза чуть не плача, она решила, что бедный гном лишился рассудка.

– Обычный скипидар! Которым вшей выводят! – отвечал гном воинственно.

– У тебя что, вши?! – девушка в испуге схватилась за голову, ей стало казаться, что она уже чешется.

– При чём тут я?! Это у Хельги опять завелись, он сам сказал!

– Что значит «опять»?! – возмутился главный обвиняемый.

– У Хельги не вши, у него мысли! Смутные подозрения! – обиделся за бывшего наставника Эдуард. – Ты всё прослушал, осёл сехальский!

– Мысли? – уточнил гном подозрительно. – Ты уверен?

– Абсолютно! – отчеканил принц.

– Что ж, отрадно слышать! – воспрянул духом почтенный Канторлонг.

Демон оскорблено фыркнул: по словам гнома почему-то выходило, будто он, Хельги, подцеплял насекомых чаще всех остальных. Хотел возразить, но вовремя почувствовал, что это будет выглядеть совсем уж глупо, и предпочёл сменить тему, лишь заметил назидательно:

– Надо говорить, не «сенная лихорадка», а «аллергия»! Тьма сехальская! – а потом попросил, – давайте отойдём подальше, чтобы был обзор. Надо выяснить, что это за штука, – он кивнул на железную стену за правым бортом. Мутная пелена скрывала её вершину, и казалось, что чёрная громада уходит в самое небо.

Чтобы разогнать туман, да не весь, а только шагов на полсотни вокруг, ушло столько сил, что хватило бы на приличный ураган или грозу среди зимы. Причём, справиться с задачей до конца не удалось – видимость стала лучше, но в воздухе продолжали клубиться рваные клочья тумана. Странная стихия долго не желала поддаваться спригганской магии серых камней, и Хельги сделалось совсем плохо, уж и не рад был, что связался.

Впрочем, жертва была не напрасной. Невиданное зрелище предстало взорам мореплавателей! Это действительно был корабль! Устрашающе огромный, будто плавающая крепость, мрачный, железный, мёртвый, без вёсел и парусов, со странными трубами, выглядывающими из отверстий-бойниц, проделанных в высоких бортах. Совершенно невозможный – но всё-таки корабль! Корабль из другого мира...

Хельги выплюнул за борт сгусток крови, ругнулся по-кансалонски, на грани пристойного. Смутные и неоформленные подозрения начали приобретать очень неприятные очертания...

– Наверх полезем? – спросила Меридит, разглядывая чужой корабль с нескрываемым вождением. Диса уже имела представление об оружии мира иного, и безошибочно чутьё прирождённого воина подсказывало ей: там, наверху, будет, чем поживиться!

Ильза задрала голову.

– Высоко-о! Как же мы туда попадём?

– Уж не думаешь ли ты, что на моём драккаре не найдётся длинной верёвки и абордажного крюка?! – подменный сын ярла был оскорблён в лучших чувствах.

Наверное, это было неразумно, но соблазн оказался слишком велик. Полезли вчетвером – Хельги, девицы и Рагнар. Эдуард возмутился, было, почему это его не берут. Но бывший наставник сурово осведомился:

– А кто, по-твоему, станет нас спасать, в случае чего?!

Пришлось принцу подчиниться, хотя в глубине души он осознавал: если четверо разведчиков «в случае чего» не смогут помочь себе сами, оставшиеся их тем более не спасут. Не тот уровень боевой подготовки.

– Пусть тогда Рагнар тоже останется, – попросил он без особой надежды.

– А если встретится запертая дверь, кто станет её выламывать? – строго возразил рыцарь, которому совершенно не улыбалось оставаться.

– Меридит.

– Стыдись! – укорил Рагнар. – Меридит – дама!

– Вот именно! – гордо подтвердила та.

Эдуард вздохнул. Так это всегда ловко у девиц получалось – то они воины, то они дамы, и поди, угадай, когда кто! А не угадаешь – сердятся...

– Хельги не дама, он выломает, – справедливости ради напомнил Аолен. Рагнар изменился в лице, но на выручку пришла Меридит.

– Хельги выламывать не станет. Он скажет: «Да пошла она, лень возиться».

– Эй, на драккаре! Заснули что ли? Долго вас ждать? – крикнула Энка, он была уже наверху.

– Ты бы не орала, – посоветовал ей демон-убийца. – Вдруг на судне есть кто-то живой?

Но никого живого на судне не оказалось. Здесь всё было прах и тлен, в самом неприглядном варианте. Мёртвая тишина, изредка нарушаема лишь тихим звоном капающей воды, царила вокруг. От этого лязг шагов и голоса казались пугающе-громкими, разведчики пробирались вперёд крадучись, говорили шёпотом. Рагнар то и дело спотыкался – в сыром, затхлом воздухе внутренних помещений корабля факелы горели плохо, коптили и потрескивали. Плесень покрывала стены и потолок густыми наплывами, цвет её менялся от грязно-белого с прозеленью, до дегтярно-чёрного. Пол был скользким, будто заплёванная змеем палуба. Коррозия разъела металлические поверхности, испещрила безобразными язвами. Истошно скрипели проржавевшие дверные петли, чтобы привести их в движение приходилось налегать всем телом. Кислый запах железа смешивался с затхлой гнилью.

Но самым неприятным были трупы – полуистлевшие скелеты в ветхих, поросших водорослями, чёрных форменных одеждах. Они валялись в переходах, кто скорчившись, кто во весь рост. Они разваливались на части от малейшего толчка, и запах гнили многократно усиливался.

– Отчего они умерли, прямо в коридоре? – забеспокоился Рагнар. – Уж не чума ли тут приключилась! Не заразиться бы!

– Какая там чума! – Хельги сунул ему под нос один из черепов. – Смотри, какая дырища во лбу! Пристрелили его! Вот из этой штуки! – он достал из кармана железную загогулину. – Они тут все друг друга перестреляли, уж не знаю, зачем.

Рагнар внимательно осмотрел аккуратное круглое отверстие в черепе, даже пальцем потрогал. Чтобы проделать такое, нужен очень, очень сильный удар...

– Хорошая штука! Я тоже такую хочу.

– Бери! – демон протянул другу чужое оружие. – Я себе ещё найду. Здесь их полно валяется.

«Хороших штук» и в самом деле было немало, беда в том, что их приходилось вытаскивать из пальцев скелетов, и Рагнар не мог преодолеть брезгливость. Ведь это были ЧУЖИЕ скелеты из ЧУЖОГО мира! Девицы и Хельги оказались менее чувствительными натурами и скоро увешались всевозможным оружием с ног до головы, шли, сгибаясь под его тяжестью. Больше не таились – громыхали, будто рыцари в доспехах.

К слову, оружие на корабле сохранилось неплохо. Вонючее маслянистое вещество уберегло его от ржавчины. Сперва разведчикам попадались только небольшие предметы вроде тех, из которых Хельги доводилось стрелять уже дважды. И ещё кортики – красивые, их отличной стали, с костяными рукоятками и витиеватой гравировкой. Но чуть позже Меридит нашла целую комнату, где вдоль стен хранилось множество более крупных и длинных приспособлений для истребления ближнего своего. Здесь же, в тяжелых грязно-зелёных ящиках были спрятаны тяжёлые, промасленные, заострённые штучки, так похожие на маленьких рыб. Но не тех рыб,

что плавают в реках и морях, а на мёртвых, железных, с огнём в нутре, ждущих своего часа в тёмных подземельях и способных ядом своим истребить целый мир...

А в другом помещении водились рыбы покрупнее, размером с локоть. И ещё – чёрные железные шары, с торчащими во все стороны выступами-шипами. Они тоже были оружием – от них пахло злом.

– Не потащим, – решила Энка. – Слишком тяжёлые. Нам такие ни к чему.

– Маленьких рыб надо взять побольше, – заметил демон. – Без них оружие не станет действовать.

– Эй! Идите-ка сюда! – позвал Рагнар откуда-то сверху. – Вот где страсти-то!

Энка определила сразу – это было помещение для матросов: вешалки с одеждой, койки в два яруса, привинченный к полу стол. И скелеты здесь были победнее, чем в переходах – в полосатых кофтах вместо элегантных мундиров, без красивых кортиков и маленьких огнестрельных закорючек. Они лежали на своих двухъярусных койках в позах спящих. Когда-то давно они просто легли – и умерли...

– Не иначе, от чумы! – заладил своё Рагнар.

– От голода, – поправила Энка. – Я видела их камбуз – нигде ни крошки еды. Никаких запасов. Они всё съели, а потом умерли.

– Странно! Они что же, просто сидели, как дураки, в здешних водах, и мёрли, вместо того, чтобы уплыть?! Почему они не уплыли?

– А что если... – Хельги вдруг перешёл на страшный, зловещий шёпот, – что если из здешних вод **ВООБЩЕ НЕЛЬЗЯ УПЛЫТЬ?!**

– Эй! Прекрати! Чего ты меня пугаешь?! – жалобно спросила Меридит, толкнув брата по оружию в бок.

А Рагнар выпалил от души:

– Тогда пусть уж лучше чума!

Но легкомысленную сильфиду было не так-то легко вывести из душевного равновесия.

– Хватит раньше времени глупости болтать! Лучше взгляните, как интересно! – она с увлечением потрошила кожаные дорожные сундучки мёртвецов, вываливая содержимое прямо на пол.

Там была мужская исподняя одежда, приспособления для бритья, тоненькие потрёпанные книжки на незнакомом языке, напечатанные буквами языка латен. Были альбомы с чёрно-белыми, но удивительно реалистичными картинками: мужчины в форменных одеждах, стоящие полукругом в обнимку, нарядные женщины и дети в длинных платьях, голые младенцы в тазиках – они выглядели совсем как живые, только очень тусклые. Были стопки писем, перевязанные ленточками; между пожелтевшими страницами попадались засушенные цветы (они мгновенно рассыпались в мелкую пыль) и локоны светлых женских волос. А рядом с этими sentimentalными вещами лежали другие – маленькие фляжки, ещё хранящие острый запах спиртного, картинки с сюжетами откровенно непристойными... Энка засунула парочку в карман, хихикнула:

– Аолену покажу! Посмотрим, как отреагирует!

Но самые интересные находки ждали впереди, в богатых командирских каютах. Толстые книги, большая часть – с портретом неприятного дядьки на развороте. Морские карты, испещрённые незнакомыми значками, и Хельги с уверенностью мог сказать – это карты другого мира. Бумаги с орлами и печатями – очень много бумаг. Приборы непонятного назначения – даже приблизительно не догадаешься, зачем такие нужны. Роскошные письменные принадлежности, медные и мраморные статуэтки, изображающие всё того же неприятного дядьку – и бюсты, и в полный рост. Красивое оружие. Посуда – не помятые миски и кружки из неизвестного, очень лёгкого и мягкого металла, как на камбузе, а настоящая, фаянсовая и стеклянная. Кожаные кошельки с документами и деньгами. И ещё множество всевозможных мелочей,

обычно сопровождающих человека в его земном пути. Было захватывающе любопытно и, в то же время, чрезвычайно тягостно разглядывать все эти печальные останки чужой жизни.

С собой не стали брать почти ничего, кроме оружия – оно ведь для того и создано, чтобы переходить от мёртвого к живому. Ну, разве что, Хельги прихватил несколько карандашей – про запас, и бюст неприятного дядьки – на память (не считая железной загогулины). Да Мери-дит выбрала несколько книг – её заинтересовал их язык, и прибор вроде эттелийской подзорной трубы, но рассчитанный для двух глаз сразу – единственный, чьё назначение удалось определить. Да Энка собрала со скелетов всё золото, что нашла – оно, как известно, лишним никогда не бывает.

Рагнар её поступок не одобрил.

– Зря ты его взяла! Старые кости тревожить негоже! Нас станут преследовать призраки! Смотри, на кольцах символы! Это какая-то магия! Верни на место, от греха подальше!

Символы, в самом деле, были – массивные печатки украшали изображения орлов с распростёртыми крыльями, двойных молний и крестов наподобие тех, то любят чертить сехальские жрецы. Только магии в них не было ни капли – за это Хельги ручался головой. Наверное, потому, что нарисованы они были неправильно, против хода солнца.

Но Рагнар всё равно нервничал.

– Ну, всё, хватит среди скелетов копать! Давайте уже уйдём отсюда! Мне теперь целую неделю будут мертвецы сниться!

– Ах, какие нежности! – фыркнула сильфида, направляясь к борту. Она тоже не собиралась задерживаться. Чужой корабль исчерпал себя и стал ей неинтересен, хотелось скорее похвастаться перед друзьями богатой добычей.

...На драккаре их уже поджидал возмущённый гном. Напустился сразу, не дав толком на палубу ступить. Встал, руки в боки и завёл:

– И где вас, паразитов, демоны носили?! Мы тут уже извелись все! Ильза, бедняжка, плакать собралась! Аолен с Эдуардом хотели на поиски лезть, насилу удержал! Совесть иметь надо, вот что я вам скажу! Они там, видите ли, прогуливаются, а мы тут нервы себе портим! И хоть бы один осёл догадался подойти к борту, крикнуть, что живы-здоровы! Не-ет! Где уж нам о ближних своих подумать! У нас одни развлечения на уме!..

Наверное, он ещё долго продолжал бы в том же духе, если бы сотник Энкалетте не умела мыслить стратегически и действовать по обстоятельствам. Не говоря ни слова, она всучила в руки разбушевавшегося Орвуда приятно-тяжёлый свёрточек. Реакция была мгновенной. Почтенный Канторлонг машинально заглянул внутрь – и тут же сменил гнев на милость.

– Ого! Вот это дело! Ну, ладно, хоть не зря ходили! Но в следующий раз будьте...

– Будем!!! – не сговариваясь, дружным хором отрапортовали проштрафившиеся разведчики.

– Вот! – шепнула Энка Рагнару. – А ты говорил, зачем я золото беру! Да без него бы нас живьём сожрали! Как Хельги Ирракшану!

Она не учла самой малости – в присутствии упомянутого пожирателя Ирракшаны шептаться было абсолютно бесполезно, чуткое спригганское ухо улавливало даже самые тихие звуки.

– Ну и свинья же ты! – завопил оскорблённый до глубины души демон-убийца, и рука его, повинувшись неосознанным рефлексам, сама метнулась к рукояти меча.

– Да ладно, не сердись, – девица примиряющее похлопала его по спине. – Это я так, просто к слову пришлось.

Но Хельги не мог успокоиться так быстро.

– Интересно, почему у тебя к слову всегда одни гадости приходятся?!

55 день после бури.

Не вёл записи четыре дня... или пять? Причём без особых на то причин – каюсь, каюсь. Впрочем, неизвестно, есть ли хоть какой-нибудь смысл в их продолжении...

Сегодняшний день опять не принёс ничего доброго, даже наоборот. Мы по-прежнему блуждаем в тумане, уже пятые сутки... или четвёртые? Нет, всё-таки, пятые. Видимость лучше, чем в первые два дня, но хуже, чем вчера, когда мы радовались, что туман рассеивается. В мире Макса в тумане обычно водятся ежи. Уж не знаю, чего привлекательного они там находят. Так вот, мы – не ежи, и нам тошно до невыносимости!

Встретили ещё восемь кораблей, пять деревянных парусников, три железных механических судна. Теперь общий счёт – двадцать четыре, и боюсь, это не последние.

На деревянные корабли залезать нельзя, они разваливаются на части, обломками может убить... Печально смотреть на их высокие мачты с гнилыми ключьями парусов – когда-то это были красивые корабли...

На железный мы опять полезли, просто со скуки. Невозможно сидеть вот так, без дела и без надежды – начинаешь потихоньку сходить с ума. Прежде мы лазили только на военные корабли, за оружием. Этот, по счёту двадцать третий, перевозил людей и их грузы. Он был очень, очень огромным, как целый город – даже не верится, что такая громадина способна держаться на плаву. Не стоило нам туда ходить. Трупы воинов мы привыкли воспринимать спокойно – это дело обычное. Воины для того и предназначены, чтобы погибнуть много раньше, чем этого потребует их природа; они знают, на что идут. Другое дело – мирное население. Много, много тел мирных путников было на том огромном корабле... Они умерли, по здешним меркам, недавно – лет десять-пятнадцать назад... Это труднее выдержать. В одном месте Меридит и Энка даже разревелись, обе сразу. Да и Рагнар отворачивался. Я тоже очень расстроился – в другом месте... Хорошо, что нам хватило ума не брать с собой в дорогу никаких собак – без них всё-таки легче будет умирать...

Потому что самые худшие мои опасения подтвердились.

Час назад мы встретили двадцать пятый корабль. Подошли к нему с кормы, поэтому не сразу узнали. Мы его уже видели раньше! Это был тот, самый первый...

Короче, все эти дни мы ходили по кругу, и теперь опять вернулись на прежнее место. Как такое возможно?! Люди ещё могли бы ошибиться, но мы, нелюди, всегда безошибочно чувствуем направление... Хотя, чему я удивляюсь? Просто, это место проклято. Из него нельзя уплыть. Мы и дальше будем кружить, как больные овцы, пока не умрём от голода, как умерли все, кто пришёл сюда прежде нас...

Интересно всё-таки, чей это мир? Наш, или Макса, или ещё чей-то – не знаю. Металлические корабли, определённо, чужие, сомнений быть не может. Деревянные – неизвестно. Внешне они немного отличаются от привычных, в Астрале тоже кажутся несколько чуждыми, но могут принадлежать обитателям того континента, что мы так и не нашли...

Да, пожалуй наступает момент, когда я вынужден буду прибегнуть к САМОМУ ПОСЛЕДНЕМУ средству. Если и оно не поможет – тогда нам всем конец. Не уверен, смогу ли... Астрал здесь тоже... не знаю, как выразить словами... СТРАННЫЙ.

Но для начала надо хотя бы попытаться сориентироваться. Будем надеяться, Макс уже успел вернуться из Америки...

Надежды оправдались. В Штатах семья Ветлицких провела всего-то четыре недели, и отбыла на родину в твёрдом убеждении, что эта страна не для них.

– Не представляю, как мама с папой терпят всё это так долго?! – удивлялась Ирина.

Макс не вполне чётко представлял, что его жена подразумевает под «всем этим», но с чувствами её был согласен полностью. «В гостях хорошо, а дома лучше» – так гласит народная мудрость многих миров.

... Хельги объявился удачно, посторонних рядом не было. Последние летние деньки Ветлицкие проводили на даче у друзей, на берегу Учинского водохранилища. Это было идиллическое местечко в водоохранной зоне, прежде дачные участки здесь давали почти исключительно космонавтам. Теперь контингент землевладельцев расширился, и не в лучшую сторону. Но местность продолжала оставаться умиротворяюще безлюдной, поэтому явление демона-убийцы из мира иного прошло без лишних свидетелей.

Хельги выглядел непривычно подавленным и усталым. На влажной рубашке виднелись расплывчатые бурые следы.

– Ой, что это у тебя?! – испугалась Ирина. – Кровь?! Ты хорошо себя чувствуешь?

– А, ерунда! – отмахнулся пришелец. – Это я магией на днях занимался...

– Сприганской?! Опять?! Хельги, милый, ты же демон! Ну когда ты наконец оставишь старые привычки, они тебе так вредят!

Демон тряхнул головой, отгоняя наваждение – граница миров расплывалась. Какой смысл переходить из одного мира в другой, если ругают везде одинаково?

– Я постараюсь, – машинально, по привычке, ответил он Ирине, и поспешил сменить тему. – Я знаете, зачем пришёл? Спросить. У меня к вам два вопроса.

– Выкладывай, – согласился Макс.

Хельги выложил – в буквальном смысле этого слова. Достал из карманов и разложил на траве целый набор весьма оригинальных предметов: пистолет «Вальтер», морской кортик, статуэтка, бинокль, ещё кое-какая мелочь.

– Вот! Вы не могли бы сказать мне точно, принадлежат эти вещи вашему миру, или нет?

Принадлежат – в этом Макс не сомневался. Потому что бинокль был изготовлен фирмой Цейс, на пистолете имелась выгравированная надпись «партайгеноссе Раттмайеру на память о весёлых деньках в Гамбурге от сослуживцев» (в вольном переводе), а бронзовая скульптура изображала ныне покойного вождя Третьего Рейха собственной персоной.

– Ты уверен? На сто процентов? – подозрительно уточнил Хельги.

– На двести. Это барахло из нашего мира!

– Ну, хорошо, согласился демон будто нехотя. – Тогда следующий вопрос. Нет ли в морях вашего мира такого места, где царит вечный туман и штиль, куда заплывают корабли, а выплыть обратно не могут. Всё ходят и ходят кругами, пока последний моряк не умрёт от голода... А суда ещё долгие, долгие годы плавают в тумане, будто призраки, одинокие и мёртвые... – он говорил, и вид у него становился всё более отрешённым и печальным.

Максу стало как-то не по себе.

– Нет у нас такого! А что?

Хельги отвёл взгляд.

– Нет, ничего. Просто к слову пришлось.

– Та-ак! – Макс развернул его за плечи, заглянул в глаза. – А теперь с самого начала и с подробностями. Во что вы опять вляпались?! Ну-ка признавайся!

Хельги виновато вздохнул и приступил к рассказу.

...– Да-а! – присвистнул Макс, выслушав его мрачное повествование. – А я всё гадаю, откуда у тебя все эти предметы старины?... И что ты теперь собираешься делать?

Демон вздохнул ещё горше.

– Собираюсь вызволять нас через Астрал... Там такой странный Астрал... Не знаю, наш мир, не наш... Может, вообще какой-то третий, незнакомый... Или вовсе не мир, просто какая-то дыра, и все в неё проваливаются... – говорил он, будто сам с собой. – А главное, я ещё никогда не перемещал через Астрал столько народу, будучи в спокойном состоянии духа... Только в минуты крайней опасности, когда почти ничего не соображал...

Ирина всплеснула руками.

– И это ты называешь «спокойным состоянием духа»?! Да на тебе лица нет!

– Не обращай внимания. Это всё туман! Он странно действует на психику. Вот на этом корабле, – он кивнул на бинокль, – люди и вовсе друг друга перестреляли...

– Ой, мамочка! – Ирина побледнела. – Хельги, выбирайтесь оттуда поскорее! Пожалуйста! Мне уже страшно!

– Постарайся, – уныло, без всякой надежды, обещал тот. – Ну, я пошёл...

– Подожди! – Макс схватил его за рукав. – Как только выберетесь, сразу, слышишь, сию же минуту приди и сообщи! Иначе мы тут с ума сойдём!

– Ладно. Приду, – демон был сама покорность. – Да вы не волнуйтесь, у нас ещё на месяц еды хватит...

– Спасибо, утешил! – мрачно изрекла Ирина, глядя на пустое место, где мгновение назад стоял пришелец из мира иного.

Но прошли ещё почти целые сутки, прежде чем он решился. Всё откладывал, всё тянул время, собираясь с духом. Друзья ходили мимо, как тени. И даже нетерпеливая Энка, вопреки своему обыкновению, не торопила, не дёргала. Сидела на носу притихшая, плевала в воду.

И только когда Уль-Бриан Оверин вдруг завёл речь о самоубийстве, Хельги понял – медлить больше нельзя.

57 день после бури.

Ура, ура, слава всем богам и демонам, и мне в первую очередь – мы снова на свободе!!!

Пытаюсь воссоздать в памяти, как именно я это проделал, и не могу. Картина расплывается. Знаю только, что, как обычно, велел всем держаться друг за друга и за носовую фигуру Фернира. А что было дальше, как хватал, куда тащил – не соображу! Наверное, потому, что закрыл глаза. Оправдываю себя тем, что в Астрале зрение мало помогает, но на самом деле – со страху! Страшно было, как никогда! Легче 15 раз теорию современной магии сдать!.. Нет, 15 – это я перебрал. Пять.

Наверное, теперь мы уже никогда не узнаем, что это было за место, где находилось и как именно, в какой момент мы туда заплыли. По ощущениям, скорее всего, субъективным, оно представляло собой некое астральное образование наподобие огромной воронки или омута. Сам я преодолевал его силу беспрепятственно, но драккар оно держало мёртвой хваткой, затягивало и не желало отпускать. Я почти физически чувствовал, как трещит обшивка

бедного Грома, как рушится мачта и рассыпаются в прах паруса. Я был в ужасе – мне казалось, никто не выживет в этом кошмаре. Я думал, что всех убил!

Но потом оказалось, что никто ничего не заметил, Гром в полном порядке, и на самом деле ничего не трещало и не рвалось. Меридит говорит, наш побег ничем не отличался от обычного перемещения через Астрал – только что был в одном месте, а через секунду уже в другом, где нет ни тумана, ни мёртвых кораблей, только Океан кругом, и солнце светит вовсю.

Удивительно, сколь велика бывает разница восприятия! Я-то был совершенно уверен, что мучился очень долго, как минимум, несколько часов! И под конец уже совсем ничего не соображал, как будто мой собственный разум утонул в тумане.

А потом что-то булькнуло, хлюпнуло – такой звук получается, когда выдёргиваешь сапог из трясины. Хватка проклятого омота ослабла так резко, что нас отшвырнуло куда-то назад. Я открыл глаза и обнаружил, что плаваю в тёплых водах Океана, рядом, как пробка на волнах, скачет Гром, а шагах в тридцати впереди, из воды торчит острый чёрный плавник! И не просто торчит, а стремительно перемещается по направлению ко мне.

Видимо, в этот момент у меня сработали здоровые рефлексы. Я вылетел из воды и шмякнулся на палубу. Левитировал снизу вверх! Второй раз в жизни! Это я-то! А главное, в душе я этого совершенно не желал! Ведь я считал всех своих родных и близких мёртвыми, и был бы только рад, если бы акулы меня пожрали.

К счастью, Судьба уберегла меня от подобной глупости. Но левитация добила окончательно. Что было потом – совершенно не помню... Да оно и не суть важно! Главное, все мы живы (и даже судовой, хотя как раз без него вполне можно было бы обойтись), Гром цел и невредим, и путешествие наше продолжается!

Сейчас, пока не видит Аолен, я снова попробую встать, и если не упаду, отправлюсь в иной мир, успокою Макса и Ирину, они очень пережи...

58 день после бури, второй после тумана.

Это Аолен не дал мне вчера дописать! Отобрал перо и обозвал сехальским ослом. Наше общество дурно влияет даже на эльфов!

Мы плывём по волнам, счастливые до одури и совершенно дезориентированные в пространстве. Хотя, нет. «Совершенно» – это я преувеличил для красного словца. Мы, конечно, знаем, где север, а где юг, знаем, что по-прежнему идём на запад (ветер не переменялся). Но не представляем, на какой находимся широте. Хотя очевидно, что намного южнее первоначальной... Ох! Вот предупреждал же я Отшельника, предлагал плыть с нами – не послушался! И где теперь прикажете его искать?! Вот досада! Жалко дядьку, так и будет сидеть на своём острове до конца времён!

А я с утра пораньше побывал в ином мире. Макс с женой очень обрадовались нашему спасению. Но Ирина сказала, что я смахиваю на труп, и взялась поить какой-то полезной травой. Это было даже хуже, чем сехальский чай! Но спорить с дамами из иного мира мне неловко, пришлось пить...

Перечитываю свои последние записи, и удивляюсь! Нам многократно приходилось бывать в ситуациях, не менее трудных и опасных. Но никогда

прежде мы не впадали в подобное уныние и отчаяние! Вели себя, как законченные психи, только что заживо друг друга не оплакивали! Совершенно очевидно, это странное состояние было вызвано внешними причинами, то есть, проклятым туманом. Странное место, ох, странное!

Теперь я почти уверен: оно не принадлежит ни одному из миров. Оно напоминает ловчую яму вроде той, что устраивают охотники или кобольды. Не берусь утверждать, что она поставлена специально, кем-то из сильных мира сего. Возможно, это просто редкое явление природы... БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ, что редкое...

Хотя теперь, будучи в здравом уме, я жалею, что не предпринял ничего для изучения его свойств. Помирать собрался, осёл сехальский! Нет бы о науке подумать, вместо того, чтобы заикливаться на личных неприятностях! Идиот! Впредь надо быть умнее и ответственнее!

Кстати, об уме и ответственности! Макс говорит, почётная обязанность первопроходцев – давать имена вновь открытым землям. А нам даже в голову не пришло! Спасибо, догадались встреченные острова на карту наносить! Сейчас я её разверну, и мы займёмся топонимикой! Это нас развлечёт!

Развлечение оказалось не из лёгких! Хельги никак не мог ожидать, что его предложение найдёт в сердцах спутников столь горячий отклик. Ни один не остался в стороне! Даже судовой вылез из-под палубы, уселся на правило руля и, кто бы что ни предложил, орал, азартно хлопая себя ладошками по коленкам: «Дурацкое название, дурацкое! Не подходит, не подходит!» А Улль-Бриана стало и вовсе не узнать! Юноша сбросил маску отрешённого, непонятого поэта, и с жаром отстаивал свои тошнотворно-сентиментальные идеи. На него стоило взглянуть в этот миг! Фарфоровое личико порозовело, взор одухотворённо горел, красивые каштановые волосы разметались в художественном беспорядке – истинное воплощение романтизма!

Хельги был в бешенстве.

– Даже не надейся! Ты-то в стороне останешься! А я буду вынужден явиться на кафедру и предьявить руководству все твои «земли Разбитых Надежд» и «острова Печали»! Да меня идиотом сочтут! Стыда не оберёшься! Нужны строгие, рациональные названия, отражающие свойства географических объектов!

– Ну, ты тоже хорош! – шла в атаку сильфида. – «Гранитогнейс-мигматитовый скальный массив»! И не выговоришь на трезвую голову!

– Я же не виноват, что он сложен именно гранитогнейс-мигматом! Вот видишь, у меня цифрой помечено! А вот образец! Типичный гранитогнейс! – демон ткнул пальцем в тот самый остров, где они едва не погибли, а потом извлёк из мешка пестрый обломок. – Я его чудом сохранил!

– Ну, ты иша-ак! – кипятилась дочь сенатора Валериания. – Мало ли, что чем сложено! Закатные острова, к примеру, из чего состоят? Тебе известно?

Магистр Ингрэм фыркнул.

– Естественно! Преимущественно деформированными габброидами!

– Вот! – торжествовала девица. – Но называются они – «Закатные», а не «Деформированногабброидные»!

– Конечно! Этому названию тысячи лет. Тогда о габброидах никто представления не имел. Использовали самые простые признаки. На западе – значит, Закатные. Населённые сильфами – значит, Сильфхейм...

Тут в спор вклинился Рагнар.

– Да какого демона они нужны, ваши признаки?! Почему нельзя просто придумать красивое слово? Взять, к примеру, «Арвей»: ничего не значит, просто хорошо звучит!

– Нет, не просто! Наверняка что-нибудь значит, на каком-нибудь забытом мёртвом языке.

– Почему на мёртвом? – возмутилась Меридит. – На вполне живом, кудианском. «Поднебесные вершины!» «Арао» – небо, «венне» – высота! Могли бы и знать! Кудианский – язык распространённый...

– Вот видите! Что я говорила! – торжествовала Энка. – За основу надо брать самые поверхностные, общедоступные признаки! Чтобы название было понятно простому мореходу! И, по возможности, содержало предупреждение об опасности.

– Да, в этом есть смысл, – вынужден был признать Хельги.

– Ага! – ядовито ухмыльнулся Орвуд. – Пусть будет «Остров взбесившихся эльфов!»

– Этого не хватало!!! Да я у тебя сейчас всю бороду повыщиплю!!! Нечего издеваться над трагедией целого народа!

– Ого! В мире стало одним взбесившимся эльфом больше! – хихикнул демон-убийца.

– Да ну вас! – в сердцах плюнул Аолен, и демонстративно удалился на носовую палубу. Но минуты через три вернулся и заявил, что готов согласиться на вариант «Остров бешеных деревьев» Или лучше «хищных».

– А давайте на латен переведём! Для благозвучия! – предложила Меридит с энтузиазмом. – Получится... получится... О! Остров Карнодриас!

– Дурацкое название, дурацкое!

– Угу! – скептически проворчал подменный сын ярла. – Все староземские мореходы – персоны высокообразованные, и прекрасно знают латен!

И Рагнар был с ним согласен, демон побери!

– Вот-вот! Первую половину они вовсе не разберут, вторую истолкуют так, что на этом острове водятся аполидийские дриады. А после долгих недель плавания даже дриада за женщину сойдёт! Вот они, бедолаги, туда и устремятся, себе на погибель.

Но остальным название понравилось, и менять его ради благополучия безнравственных матросов, никто не пожелал.

– Похоть тоже наказуема! – выразила общую позицию Энка.

И первый из островов, наконец, обрёл своё имя!

Эдуард, через плечо бывшего наставника, разглядывал карту.

– А с этой мелочью что делать? – он указал на целую россыпь точек, обозначающих совсем крошечные, неисследованные островки. – Мы у них ни признаков не знаем, ни образцов нет...

Идея, как ни странно, пришла в голову Ильзе, девушке положительной во всех отношениях, но эрудицией не блещущей.

– Их можно в честь кого-то знаменитого назвать. Например, у нас в Лотте есть бухта Бургомистра Иенссена.

– А чем он так прославился? – заинтересовался любознательный демон.

Ильза равнодушно пожала плечами.

– Да кто ж его знает! Наверное, богатый был. Чем ещё можно прославиться в Лотте?

Рагнару такой принцип понравился.

– Значит остров Отшельника можно так назвать, в его честь. И голову ломать не надо!

– А мы его оттуда заберём, и не станет там никакого Отшельника! – не разобрал принц.

– Неважно! Бургомистра Иенссена тоже в своей бухте нет, он, поди, помер давно! Зато мы увековечим его имя! Оно того стоит! Столько лет на одном месте просидеть и не спать! Выдающаяся должна быть натура! – выпалила Энка на одном дыхании.

Увековечили Отшельника, а заодно, ещё целый ряд достойных имён: Макса – он, как никак, приложил свою руку к делу спасения мира, Лавренсия Снурра, мага Мерлина, колдуна Балдура, его собаки Агнессы... Постепенно, личные имена получили все маленькие островки. Более крупные и значимые объекты назывались, всё-таки, по признакам: «Южный остров», «Скалистый», «Устричный», «Рифовый пролив»...

В конце концов, безымянной осталась лишь некая область, очерченная неуверенным пунктиром.

– А это что такое? А-а! Ты так проклятое место отметил! – сообразил Эдуард.

– Точно! – подтвердил картограф. – Назовём его «Туманность Профессора Перегрина»!

– Дурацкое название, дурацкое!

– Да ну-у! – возразила Меридит немного даже обиженно. – Не стоит! Профессор Перегрин – хороший человек! Что ты против него имеешь?

– Ничего. Просто демонов туман вызывает у меня ассоциацию с экзаменом по теории магии.

Энка пристально уставилась на Хельги с видом лекаря, обдумывающего диагноз, и вынесла горький вердикт:

– Ассоциации у тебя, братец, шизофренические!

– Пиши: «Проклятые Воды» – велел Аолен. – Это место слишком опасно, с ним нельзя шутить!

А гном мечтательно закатил глаза.

– Вот если мы найдём новый континент, и там будут горы, я назову их Новый Даарн-Ол, в честь своей далёкой и прекрасной родины!

– Ну, ты прямо как американец! – заметил демон с откровенным осуждением.

– Почему – как американец?! – Орвуда оскорбило не столько сравнение, ничего ему не говорившее, сколько интонация.

– Им тоже фантазии не хватает, свои названия придумать, вот он и воруют чужие: Новый Йорк, Новый Орлеан...

... Они ещё долго спорили и пререкались, а Меридит смотрела на западный край неба, нежно розовеющий впереди, и думала: «Случись нам и в самом деле открыть новый континент и дело дойдёт до названия – передерёмся, не иначе!.. Скорее бы...»

Третий день после Проклятых Вод.

Сегодня встретили айсберг, огромный. Я видел такие в детстве, в северных водах, когда ходил в море с подменным отцом. Удивительно, как далеко на юг могут заплывать эти ледяные горы!

Айсберги очень опасны. Энка хотела подойти к нему и высадиться на лёд, по её выражению, «размять ноги». Я как раз объяснял ей, почему делать это не стоит, когда он взял и перевернулся! С айсбергами такое случается, если его подводная часть тает слишком быстро и вершина, торчащая над водой, перевешивает.

Волна получилась устрашающая. Счастье, что мы находились на почтительном расстоянии, иначе я не смог бы добавить к глаголу «потонули» наречие «едва»: мы едва не потонули.

Когда же всё улеглось, и Грому больше не грозила гибель, Энка опять привязалась всё с той же идеей! «Не станет же айсберг кувыркаться туда-сюда» – убеждала она. Я стал объяснять, что есть другая опасность – айсберги часто раскалываются. И только я это сказал...

Короче, волна вышла не меньше первой, а меня обвинили в «карканье». Или в «накаркивании»? Меридит пыталась меня оправдать, доказывала, что никакое карканье не способно вызвать столько катаклизмов сразу, это просто забавное совпадение. Да разве можно переспорить родную дочь сенатора Валериания! Она придумала, что раз я грозный и могучий демон, значит и

карканье у меня особо мощное и действенное, и велела впредь не делать никаких опасных предположений.

Если так дальше пойдёт, я скоро не смогу и рта раскрыть! Мало мне было Царя Народов! Ох, не зря ли я его вспомнил? Тьфу-тьфу, чур меня, чур, как говорят деревенские бабки!

Пока мы спорили, Рагнар разглядывал то, что осталось от большого айсберга (он раскололся на три крупные глыбы и несколько меньших обломков). И вдруг как заорёт! Мы здорово испугались – Рагнар не Ильза, зря орать не станет!

Зрелище и впрямь было редкостным и страшноватым. На свежем сколе стало видно тело огромного великана, вмёрзшее в прозрачный, как стекло, лёд!

Наверное, это была очень древняя тварь. В наше время великанами считаются уриаши, островные киклопы и северные тролли, а в них росту-то всего метров пять-шесть (метр это примерно шаг). Ещё говорят, будто далеко на севере, у самой Границы Жизни, или даже немного за ней, обитают ледяные великаны турсы. Но их никто никогда не видел, и мне не особенно верится в их существование. Магия магией, а от законов природы тоже далеко не уйдёшь – питаться надо всем! А где за Границами Жизни взять столько еды, чтобы хватило на прокорм целой толпе великанов?

Поэтому я не думаю, что это колоссальное, ростом не менее тридцати метров, существо было сказочным турсом. Скорее, оно принадлежало к тому древнему исчезнувшему народу, чьи мегалитические сооружения сохранились в Староземье до наших дней. Это они построили гигантскую лестницу на Перевале в Безрудных горах, чудовищный Дольмен Предков в Северных Землях (чтобы воспользоваться его мощью, современное спригганское население пришлось бы утроить), каменную стену, сохранившуюся на некоторых участках эттелийского побережья и прочие крупномасштабные объекты, долго считавшиеся природными образованиями...

Мы подошли к айсбергу настолько близко, насколько позволяло благоразумие (а оно у нас зачастую позволяет лишнего!), и долго рассматривали тело. Вот когда я тысячу раз пожалел, что не имею прибора для получения изображений! Обычный рисунок не способен передать всей полноты впечатлений и не может служить достоверным подтверждением увиденного.

Из-за того, что айсберг перевернулся, труп располагался вниз головой. Лицо его, грубое, некрасивое и заросшее, в приплюснутым носом и выступающей нижней челюстью, было до бровей погружено в воду, а босые грязные ноги оказались поднятыми на многометровую высоту – очень неприятная картина! Одежда на великане была сведена к самому минимуму. Счастье, что тогдашние представления о приличиях, совпадали с современными, и Ильзе с Аолоном не пришлось смущаться (как некогда при виде средневекового тролля). Зато амулетов на нём было великое множество – и на шее, и на запястьях, а тело почти сплошь покрывали татуировки с изображениями магических символов. Некоторые из них имели очевидное сходство с рунами, другие были совершенно незнакомыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.